

Евгения Морозова

ВАРВАРИНО

СЧАСТЬЕ

ТОМ I

Евгения Морозова

Варварино счастье. Том I

«Издательские решения»

Морозова Е.

Варварино счастье. Том I / Е. Морозова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749526-8

Главная героиня книги — девочка Варя из алтайского села Лосиха. На ее долю выпало много тяжелых событий, и жизнь всего ее рода была не такой уж праздничной и легкой. Но всегда на ее пути встречались хорошие люди. И сама она верила в чудеса, которые с ней часто происходили... Книга охватывает события, происходившие более века назад. Реальные судьбы, реальные события... Люди любили, страдали, расставались, находили друг друга. Одним словом, только Вера, Надежда и Любовь... Только они помогают в жизни.

ISBN 978-5-44-749526-8

© Морозова Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Рецензия	8
Глава 1. Лосиха... детство Анютки	9
Глава 2. Судьба! Почему ты так жестока?	12
Глава 3. Новая жизнь Ульяны	16
Глава 4. Замужество поневоле...	19
Глава 5. Предательство сестры	21
Глава 6. Новый этап замужества Ульяны	23
Глава 7. Дети кузнеца	25
Глава 8. Воспоминания Ульяны	28
Глава 9. Новое предательство сестры	30
Глава 10. Возвращение блудного мужа	32
Глава 11. Катя меняет судьбу	35
Глава 12. Все-таки есть в жизни счастье...	38
Глава 13. Катя в Лосихе	40
Глава 14. Неисповедимы пути Господни...	43
Глава 15. Вдовья доля...	45
Глава 16. Тонечка Дубравина	48
Глава 17. Куда может забросить судьба?	51
Глава 18. Любовь Ульяны – неожиданная и страстная	54
Глава 19. Война...	57
Глава 20. Новая потеря Ульяны	61
Глава 21. Жизнь Анны в оккупации	64
Глава 22. Судьба Антонины...	71
Глава 23. Возвращение Антонины в родной дом	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Варварино счастье Том I

Евгения Морозова

И только Вера, Надежда и Любовь

Из пепла к жизни возрождают вновь...

© Евгения Морозова, 2016

© Любовь Третюк, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мои дорогие и уважаемые читатели!

Я нахожусь в статусе пенсионерки уже более двадцати лет. Теперь появился еще один статус-начинающая писательница.

Мне 72 года, и мой возраст как раз подразумевает максимальную занятость творчеством. Дети взрослые, у них своя самостоятельная жизнь. Помощь мамы им уже не требуется.

Прожитые годы – это копилка жизненного опыта, который я просто обязана передавать младшему поколению.

Судьба моя во многом похожа на судьбы моих сверстников, родившихся во время Великой Отечественной войны. Но среди нас были и «счастливчики», которые не потеряли своих родителей в огненном котле войны. А я осталась полной сиротой в возрасте двух лет. Меня спасал всегда лишь оптимизм и жизнелюбие.

Я любила слушать воспоминания моей бабушки, которая родилась в 1903 году, ее детство прошло еще до Октябрьской революции. На долю ее поколения выпало больше горя, чем радостей. Все, что я слышала и видела в детстве, крепко отпечталось в моей памяти.

Сегодня в русском языке вы можете никогда не услышать такие слова, как «загнетка», «камельёк», «шувель», «внудась»... Жизнь кардинально изменилась.

Но наши дети, внуки и правнуки должны знать, как жили их предки, о чем они думали, какие ценности духовные прививали своим детям.

Поэтому я многие годы вынашивала в душе мысль о том, что хорошо бы все услышанное и увиденное изложить на бумагу. И вот что у меня получилось. Это не документальная повесть, это роман.

Я – не профессиональный писатель, это зов сердца. В написание книги вложила часть своей души.

Дорогие мои читатели! Я заранее благодарна вам за внимание к моим мыслям, к моим героям.

Желаю вам всего самого доброго прекрасного!

Рецензия

Книга «Варварино счастье» написана Евгенией Морозовой в 2015 году.

Это повествование о маленькой девочке Варваре, на долю которой выпало немало горя, боли, но в то же время чудес и невероятных историй.

Каждая строчка поучительна, каждая мысль уникальна и в то же время поражает своей простотой и глубиной. Ощущение, что там есть кусочек жизни каждого из нас.

В книге переплетаются множество судеб и жизненных историй, которые должны нам стать не только уроком, но и огромным интересным путешествием в глубины души человека. Горе и радости, боль и счастье, страдания и стойкость, чудеса и обыденность.

Книга читается очень легко, каждое прочитанное слово, каждая жизненная ситуация или описание чего-то тут же будет всплывать у вас перед глазами. Стоит только прикоснуться к книге и начать читать первую строчку, как у вас перед глазами начинают проноситься кадры как в кинофильме, причем цветные, с ощущением переживаний радости человека или страданий, даже чувствуются описываемые запахи хлеба, ветер или мороз зимнего леса...

Все что описывается – все ощущается так, как будто ты находишься рядом с героями книги.

Автор отдал душу этой книге, поэтому читатель невольно будет ощущать тепло, которое от нее идет. В ней так же есть место и юмору, который дарит много позитива.

Всё, что описывается в этом произведении, даёт возможность каждому человеку взвесить и оценить свои поступки, может быть, изменить или подкорректировать свою жизнь, или поблагодарить Бога за то, что он имеет.

Эта книга – библиотека жизненных историй, как кладовая опыта для каждого из нас.

Я благодарна Евгении за то, что она смогла рассказать нам о жизни нескольких поколений русских людей, сибиряков и поделиться с нами через свое произведение мудростью жизни.

Спасибо, Евгения!!!

Любовь Третюк
2016г.

Глава 1. Лосиха... детство Анютки

Лосиха. Что приходит в голову, когда слышишь это слово? Самка лося? Другой ассоциации как-то и не возникает.

А вот сибиряки такое название дали своей деревушке, находящейся в предгорьях Алтая. Чем народ руководствовался, придумывая имя деревне?

Предгорья Алтая покрыты красивым густым лесом. Березы, осины, хвойные породы деревьев, обилие густой травы... Все это давало возможность таким крупным животным как лось чувствовать себя здесь уютно и вольготно. К тому же, людям было неизвестно браконьерство. Вот и жили люди и лоси, не мешая друг другу.

Лоси мимо деревни проходили неспешно, травы было кругом полно. Животных не отстреливали так варварски, как сегодня это делают крутые бизнесмены на могучих джипах с автоматами Калашникова.

Расположилась вольготно деревня Лосиха вдоль одноименной речушки на протяжении километров четырех.

Место благословенное! Чернозем такой, что народ не слышал об удобрениях, земля не знала никаких суперфосфатов. В огородах между рядов картошки спокойно росли семейки шампиньонов. Пахоть огороды не было необходимости: земля была такая рыхлая, перегной – не глина, он дышит, все растет как на дрожжах. В огороде с плодородной пушистой землей ноги погружались в землю почти по колено, вот такая алтайская земля!

Одним словом, плодородная земля вместе с сибирским трудолюбием давала все необходимое, чтобы сибиряки жили, может, и не богато, но и не бедствовали. Сибирь богата ресурсами, а сибиряки всегда славились своей доброй душой, щедростью, хорошим здоровьем. Жили в гармонии с природой.

Прошел ураган Октябрьской революции, поломав прежние устои, наступили новые времена.

Как и вся Россия, лосихинцы пережили страдания коллективизации, потом наступил подъем, люди стали жить лучше, появились первые автомобили, трактора. Надо сказать, автомобили теперь такие можно увидеть только в музеях, да и то не во всех. Мотор в таком автомобиле работал на ...дровах. В кузове стояла печурка, в которую водитель подбрасывал полешки, и машина благополучно двигалась со скоростью километров пятнадцать-двадцать.

Анютка впервые увидела такой автомобиль в своей Лосихе. Для ребенка это было событие мирового масштаба. В кузове дымила печурка, дым валил из трубы, машина ехала по пыльной дороге, а за ней бежали и взрослые, и дети. Это можно сравнить с появлением в наши дни НЛЮ, который выпустил шасси и покатил по деревенской дороге. И любопытные сопровождали бы его точно так же, как в начале тридцатых годов автомобиль с дровяной печкой. Водитель, молодой красивый парень с кудрявым чубом, остановил свою необыкновенную машину, бодренько заскочил в кузов, взял несколько березовых поленьев и положил в печурку. Видно, они быстро разгорелись, потому что из трубы бойко повалил дымище, а водитель снова метнулся в кабину и резво поехал дальше. Вслед за автомобилем поднимался густой шлейф пыли... Все обалдели, такого в деревне еще не видели...

Девочка тоже пробежала со всеми односельчанами метров 200 за диковинной машиной. Было интересно, как же автомобиль может въехать в горку. Хватит ли у него сил? Ведь и лошадке подъем в горку давался труднее, чем спуск. Но потом она вспомнила, что дома ждут дела, быстренько сменила курс на 180 градусов и побежала назад, домой.

Анютке всего-то от роду было лет восемь. Она была худенькая, маленькая... Светлые короткие косички задорно торчали в разные стороны, взгляд озорной. А глазенки синие-синие... И она все делала бегом... Бегом по улице, бегом в огород, бегом на речку... Во-пер-

вых, она была ужасная непоседа, и ходить неспешным шагом еще не научилась, а с другой стороны, на ее плечах лежало много обязанностей. Современным детям это, конечно, непонятно! Но тогда никто детей не спрашивал, мама сказала, что именно нужно сделать к ее приходу, и ушла с утра на работу. А возвратится только затемно. Ей и выспаться-то некогда, так что дети должны быть на подхвате.

Малышка вбежала в дом и, первым делом, проверила, как подошло тесто на хлеб. В русской печи полешки прогорели, языков пламени уже не было. Девочка взяла длинную металлическую клюшку, разровняла прогоревшие поленья на отдельные красные угольки: так они быстрее остынут, и можно будет выпекать хлеб.

Побежала к столу, на котором стояла квашня с тестом. Нелегко восьмилетней девочке вручную формировать булку, в которой веса не меньше двух килограммов, но заменить ее было некому. Пока девочка формировала булки, угольки в печке остыли настолько, что покрылись слоем пепла. Вот! Самое время их сейчас лопаточкой сгрести в уголок, в загнетку, и они мешать не будут, а для выпечки хлеба как раз будут полезными, создадут дополнительное тепло.

Булки, а их получилось четыре штуки, расположились на столе, тесто поднималось. Пора их помещать в печь. Молодая хозяйка сноровисто работала, для нее это было уже привычным делом.

Вот уже булки выпекаются в русской печке. Через некоторое время аромат домашнего хлеба разнесся по всему дому, и, работая в огороде, девочка по аромату понимала, когда хлеб уже будет окончательно готов. Прополов пару грядочек, Анята побежала к грядкам с луком. Нарвала зеленого лучка, подкопала молодой картошечки и снова побежала в дом.

Открыв заслонку, девочка посмотрела, не пора ли уже вынимать из печи хлеб. Булки были румяные, корочка хрустящая, а про аромат свежее выпеченного домашнего хлеба и говорить не приходится. Он был сказочным!

Секрет приготовления домашнего хлеба передавался из поколения в поколение. Для того, чтобы приготовить тесто, нужны были дрожжи. А их не было. Да и денег на их покупку тоже не было! Сушили цветы хмеля, на их основе делали закваску, потом только уж замешивали тесто. Вот и весь секрет. Но попробуй набраться опыта, соблюсти пропорции... Ну, а мама уже научила Аняту управляться с этим ответственным делом.

Пока готовила ужин, успевала еще присмотреть за младшим братишкой Саней, которому от роду было всего годика четыре. Девочке надо было еще приготовить ужин, встретить корову из стада, подоить ее, процедить молоко и напоить теленка. Дать курочкам травки и зерна. Ну, и братика покормить и уложить спать.

Мама возвращалась только поздно вечером. Аня часто расспрашивала маму об ее работе.

– Мам, а что ты там делаешь с утра и дотемна?

– Доченька, с утра я бегу на ферму, видишь там вон скотные дворы за речкой? Вот с утра я подою коров, их у меня восемнадцать голов, руки устают, но время не ждет. Закончу дойку, выпущу их, весь день они на лугу ходят щиплют травку под присмотром пастуха, а потом мне надо напоить телят молоком. Это уже у меня вторая работа. Надо зарабатывать больше трудодней!

– Мам, а что такое трудодни?

– Ну, труд – это работа, а дни – это дни, ты знаешь, что такое дни. Сколько дней буду работать, столько и пшенички мама твоя заработает. Зимой голодать не будем! Хлеба хватит потом на год!

А потом, доченька, телят напою молочком, в клетках у них уберу, травки им дам зелененькой, и бегу на ток. Сейчас идет уборочная, пока нет дождей, надо пшеничку собрать да в хранилище заложить.

– Мам, а ток ведь в другом конце деревни! Как ты туда идешь, ножки устают?!

– Устают, дочка, а все равно надо работать. Потом, к вечеру, мне надо вернуться на ферму, в это время уже и коровки придут с пастбища. Подою коров, напою молочком теляток, вымою бидоны из-под молока, и вот уже почти ночь на дворе.

– Мам, а почему ты когда приходишь домой, всегда вечером начинаешь стирку? Тебе разве не хочется спать?

Анютка смотрела на маму сочувствующим взглядом. Однако в ее взгляде было заметно восхищение мамой, как она ловко управляет со стиркой. И решила про себя, что теперь возьмет на себя обязанность ежевечерней стирки, чтобы мама могла отдохнуть...

– Конечно, спать я хочу, но у нас с вами так мало одежды, что я вечером сейчас постираю всё, повешу во дворе, а утром оно все сухое. Вы одеваете чистенькое и я тоже. Ведь у меня платье, которое я ношу – единственное. Если не выстираю, то утром я должна надевать грязное? Мы должны жить в чистоте, и одежду носить только чистую!

– Мам, а что, у нас нет другой одежды? Почему? Мы бедные?

– Нет, дочка, мы не бедные, мы живем также, как и все в нашей деревне. Зато мы все живые и здоровые!

– Ага, все! А батя наш? Он же умер? Мам, почему он умер?

– Доченька, наш отец умер рано, он всю жизнь с самого детства работал кузнецом. Работа эта считается очень тяжелой. А зимой он валенки катал. Ты же помнишь, что батя вам всегда к зиме новые валеночки готовил?

– Помню, мам! А теперь зашиваем старенькие. Я уже научилась свои зашивать!

– Вот и не выдержало здоровье у отца, на работе в кузне и умер от сердечного приступа.

Девочке стало невыносимо жалко своего папу, которого еще немного помнила. Он был такой высокий и красивый, она смотрела на него снизу вверх как на великана. А он наклонялся к ней, брал ее на руки и подкидывал высоко вверх. Анютка визжала, но не боялась, она знала, что сильные руки всегда ее подхватят, и он прижмет ее к своей широкой груди. А она будет гладить его своими крохотными ручками по густой кудрявой бороде.

Анюта прижалась к маме, и погладила ее по голове. Как будто она у мамы была мамой, а та у нее – дочкой. Мама Уля засмеялась:

– Труженица ты моя! Какой хлеб-то вкусный испекла. Уже и закваску научилась ставить правильно, хлеб хорош! Молодец ты у меня! Еще и ужин приготовила! Что бы я без тебя делала? Ну ладно, скоро лето кончится, я больше буду дома, и работы поменьше будет. Тогда я тебя заменю, и ты будешь отдыхать! Дочка а где Тонюшка?

– Мам, а она же не пришла еще с работы. Она еще не всех детишек раздала по домам.

– Анюта, сбегай к Петровне, помоги Тонюшке закончить работу и быстренько домой!

Тоня была на пару лет старше Анюты, и ей тоже не приходилось отдыхать. Она считалась воспитателем в детском садике. Громко сказано – детский садик! У соседей дом был побольше других в деревне, просторнее, так вот в дом к Петровне и сводили детишек. Антонина была там самая старшая, вот и присматривала за ними весь день, пока не разберут детишек вернувшиеся с работы родители.

Конечно, не одна там Тонечка смотрела за детишками со всей округи. С Ульяной в ее доме жила еще пожилая женщина Васильевна, они даже родственницами не были. Просто Васильевна в прошлом помогала Ульяне, а теперь стала совсем старенькая и без родных, одна-одинешенька, так Ульяна забрала ее к себе. А Васильевна в детском садике тоже трудодни зарабатывала, потому и лежали домашние хлопоты на Анютке.

Ну все! Вся семья Ульяны наконец дома! Можно поужинать и дать покой уставшему телу. И девчонки тоже устают, в деревне круглый год работы непочатый край. А они совсем еще малышки! Дай, Господи, здоровья нам всем! Утром вставать надо в пять часов. И так каждый день!

Глава 2. Судьба! Почему ты так жестока?

Ночь уже вступила в свои права, окна в доме были открыты, прохлада приятно охлаждала уставшее тело женщины. Где-то в траве стрекотали кузнечики. Даже Луна заглянула в окно, и Ульяне показалось, что лунный рельеф, похожий на женское лицо, не так уж и неподвижен: луна как будто ей улыбалась. Уставшая женщина была рада отдыху тела. А душа не отдыхала.

Ее постель была одинокой. Несколько лет назад Ульяна осталась вдовой. Жизнь казалась совсем невыносимой.

– А когда она была легче? – с горькой усмешкой подумала Ульяна. С детства, насколько она помнила себя, жизнь была неласковой. И не только к ней, а ко всей ее семье. Несколько поколений несчастных людей. Или время такое тяжелое?

И женщина погрузилась в невеселые воспоминания, пытаясь найти хоть какой-то радостный момент, но его не находилось в памяти. Может, в будущем что-то произойдет хорошее?

А как оно может произойти?

В каждой бессонной ночи Ульяна проживала всю свою нелегкую жизнь с начала и до сегодняшнего момента. Какой мог быть анализ, какие выводы? Ведь она была бессильна что-либо изменить. Человек – песчинка в большом бархане пустыни: куда ветер перемен несет массу песка, туда и маленький человек попадает. Не в ее силах было что-то поменять. Судьба или что другое? Но что бы это ни было, явно все складывалось в горе, печали, слезы. И никогда – в радости...

Девочка родилась в начале двадцатого века. В Калужской губернии. Кроме Ульяны в семье было еще два брата и две сестры. Без родителей она осталась рано, совсем ребенком.

Когда началась первая германская война, в 1914 году, ее старший брат Иван ушел на фронт и там пропал без вести. Мама Ульяны никак не могла поверить, что никогда больше не увидит сыночка Ванечку, и каждый день ходила на станцию встречать все поезда. И зимой, и летом. Уж давно закончилась война. Все, кому было суждено вернуться, вернулись. А мама Ульяны – Домна Петровна, все так же встречала каждый поезд. Ясное дело, женщина тронулась умом.

В конце концов наступил кризис. В один из зимних дней мама возвращалась со станции и сильно простудилась. Силы совсем покинули бедную женщину. Никакие уговоры мужа, что она нужна семье и что надо беречь себя, ничего не помогло. Стресс был такой сильный, что женщина просто истаяла и ушла в мир иной. Вскоре умер и отец Ульяны. Итак, остались четверо детей, из которых старшей Марии было 14 лет и младшему мальчику всего 4 года. Ульяне было в то время 10 лет.

Русские люди всегда отличаются добрым сердцем. Не бросили детей в беде родственники. Всех четверых забрала к себе тетка Валентина, по маминой линии. Надо сказать, мама Ульяны Домна Петровна рассказывала, что в их роду часто случались ранние смерти и дети оставались сиротами. Но никогда бедные дети не попадали к чужим людям, их воспитывали более молодые тетки, которые когда-то воспитывались у родителей вот этих сироток. Грустная преемственность... Вот и сейчас тетка Валентина забрала к себе сразу четверых детей.

Конечно, без согласия мужа тетка не смогла бы привести в дом такую ораву, но и ее муж был добрый человек, и никогда не только не обижал детей, но и старался ко всем (и своим, и приемным) относиться одинаково. Никогда она не видела, чтобы дети дрались между собой, взрослые воспитывали малышей только в духе взаимопомощи. И она своих деток воспитывает в таком же духе. Жизнь не балует.

Революция 1917 года все сметала на своем пути. Жизнь людей в российской глубинке рушилась как карточный домик. Начался голод. Коллективизация отнимала послед-

нюю корову, которая была единственной кормилицей. Пшеницу забирали продовольственные отряды в «закрома» Родины.

Как слышала Ульяна разговоры взрослых, они часто обсуждали тему спасения семьи. Кто-то им говорил, что в Сибири нет голода. Что если бы они смогли туда добраться, то там точно могли бы прокормить детей. Плодородные земли и добродушие сибиряков вселяло в людей надежду на спасение детей от голодной смерти. И наконец они решились. Причем переселение из Калужской губернии в Сибирь приобрело массовый характер.

Весной, вместо того, чтобы засеивать огороды, они продали домик, коровку, собрали свой небогатый скарб, упаковали котомки с продуктами, взяли семерых детей (у них было своих трое деток и четверо от сестры) бабушку Агафью и двинулись на станцию. В теплушках ехали где-то около двух месяцев.

Часто их вагоны загоняли в тупик, провизия заканчивалась и семья начала голодать. Жевали сухую пшеничку, воду им давали на станциях, давали и кипяток иногда. Тогда они запаривали зерна пшеницы, немного добавляли соли и получалась довольно вкусная еда. А главное – можно было надеяться, что конце пути они смогут выйти из вагонов сами, а не вынесут их тела, упакованные в мешки.

В той тяжелой дороге началась эпидемия. Неизвестная кишечная болезнь косила людей десятками. Естественно, недостаток воздуха, еды, воды, люди не могли помыться, все это не проходило бесследно. Беда не обошла стороной и семью Улиной тетки. В дороге они попрощались с бабушкой Агафьей и с младшеньким сыном тетки Валентины – Васенькой. Ему не было еще трех лет. Вынесли их, завернутых в тряпье, из вагона и где похоронили, никто не знает. И не поклониться их праху, и не обиходить могилки – ничего не сделаешь. Горе было таким огромным, что пригвоздило всех к полу теплушки. Не хотелось даже вставать, не хотелось есть. Потери были во многих семьях, выносили людей по несколько человек на крупных станциях.

Ульяна все это помнит, ведь к тому времени ей исполнилось 14 лет. Горе впечаталось в ее душу, потеря родителей, дальний путь, потеря бабушки, маминой мамы, с которой у них было душевное притяжение, и смерть Васятки, которого она нянчила с рождения, тоже легла тяжким грузом на детское сердечко Ульяны.

Наконец, их путь был окончен. Они приехали в Барнаул. Это были уже советские времена. Представительный товарищ с портфелем в руках встретил на перроне поредевшие семьи, их провели в зал ожидания. Здесь можно было хоть подышать воздухом. Детей невозможно было загнать в помещение. Вода была без ограничения. В углу зала ожидания стоял металлический бачок с водой и краником, как в самоваре. А алюминиевая кружка на металлической цепочке была как будто прикована. Намертво. Навсегда! И так должны были они служить людям в паре: бачок с водой и кружка!

Пока взрослые разбирались, какая семья и, в какой район поедет на постоянное место жительства, дети радовались свежему солнышку и привыкали стоять на земле, не чувствуя толчков вагонов на стыках рельсов. Представитель власти писал в сельские Советы направления с указанием фамилий и количества человек в семье. Решалась их судьба.

Итак, семья Ульяны оказалась в Кытмановском районе. Сначала жили в землянке, потом с большим трудом построили деревянную избу, в которой была одна большая комната и, самое важное, посередине русская печь. С печки можно было прыгнуть на полати. Полати – это такое устройство под потолком. Как нары. Только обустроены они именно под потолком, а не ближе к полу. Вот где уж точно не замерзнешь в холодные сибирские зимы! Обычное дело в деревнях, детишки скачут с русской печки на полати, потом назад. Когда взрослые разговаривают, сидя за столом, то несколько пар любопытных детских глаз поблескивают под потолком. Дети по природе своей любопытны, наблюдение ведут сверху, с полатей!

Однако не пришлось Ульяне пребывать долго в состоянии ребенка, не думать по-взрослому, а просто радоваться тому, что жить стало лучше. Что они не голодали, хотя детям и приходилось работать наравне со взрослыми. Тетка по прибытии в деревню сразу купила корову, поросеночка, завела кур и детки перестали болеть, настроение улучшилось. Взрослые и дети работали, не покладая рук. Даже у самых маленьких были свои обязанности: кому покормить кур, присмотреть за цыплятами, прополоть грядки и картошку окучивать, а кому навести порядок в землянке.

Непривычные к жизни в землянке, дети страдали от укусов блох. И постоянно в дом на пол укладывали слой полыни, от запаха которой блохи сразу исчезали. Вот так и спасались! Правда, в землянке им пришлось недолго жить, был построен домик. Деревянный, чистый, в котором было особенно уютно, по сравнению с землянкой.

Едва Уле исполнилось 15 лет, как тетка пригласила девочку для серьезного разговора. Тетка с мужем сидели с лицами серьезными и невеселыми. Видно, разговор предстоял тоже нерадостный. Тетка обняла Ульяну, прижала ее к себе. Девочка с момента смерти матери, а потом и бабушки в вагоне поезда, не чувствовала прикосновений родных рук, так что даже от такой скупой ласки слезы сами по себе навернулись на глаза.

Тетя погладила девочку по голове, по спинке, посадила рядом с собой и на лице ее было видна нерешительность, чувство вины. Помолчала, потом сказала:

– Уля, ты же подросла, стала почти взрослой. Мы с отцом решили отдать тебя в работники к кузнецу Дубравину Андрею Фортунатовичу. Там ты будешь помогать хозяйке присматривать за детьми. У них тебя никто не обидит. Это хорошие и добрые люди. Правда, ты будешь жить в другой деревне, в Червово, но это недалеко. Мы будем иногда тебя забирать домой.

Ульяна понимала, что когда-то ей придется уйти из теткиного дома, но сейчас... Девочка не готова была к расставанию с близкими. Никого дороже своих двух сестер, брата и теткой семьи у нее не было. Ульяна опустила голову и тихо заплакала.

Лежа в своей одинокой вдовьей постели вот сейчас, вспоминая свою жизнь, Ульяна подумала:

– Зря ты, Уля, плакала тогда! Знала бы ты в тот момент, что слезам было время только начинаться!

Но тогда девочка горько плакала, идти в работники... к чужим людям. Она как сквозь стену, как издали слышала доносившуюся теткин у речь:

– Детка моя, у кузнеца сейчас пятеро детей, трое подросли уже, а вот последним близнецам по 3 года. И хозяйка снова собирается рожать. Ей уже тяжело справляться одной по хозяйству. А хозяин еще кроме кузни держит пимокатню.

Уля сквозь слезы спросила:

– А что такое пимокатня?

– Это очень трудная работа: делать валенки. В Сибири их называют пимами. Пимы делаются из овечьей шерсти. Так вот, редко кто владеет этим умением. А кузнец для всей деревни катает пимы. Сама потом увидишь, как он их делает.

Зато, моя детка, за твою работу мы осенью получим две овцы на расплод, два мешка пшеницы и поросеночка. Это очень большая оплата за твою работу. Надо, Улечка, идти!

Вот и кончилось детство Ульяны.

Время отъезда Ульяны из дома совпало с замужеством старшей сестры Марии. К тетке прислал сватов парень, который сам в это время уже не жил в деревне, он жил в городе и работал на металлургическом комбинате. Приехал на несколько дней в родную деревню навестить родителей и нашел здесь свое счастье.

Увидев красивую молодую девушку, он ни минуты не сомневался, что это его судьба. Ему не важно было совершенно, что она сирота и что к его воротам не придет лошадка, нагруженная

приданным невесты. Это было ему не нужно. Лишь бы была с ним рядом такая чистая душой Машенька. Первое его к Маше обращение было таким:

– Марья Ивановна! Если ты выйдешь за меня замуж, ты никогда не пожалеешь об этом! Ни одна слезинка из твоих глаз не упадет по моей вине!

Можно было предположить, будут ли в сложившейся ситуации слушать мнение «Марьи Ивановны». Нет, конечно! Никто ее мнения не спрашивал. Тетка с мужем объяснили Маше, что парень из хорошей семьи, увезет ее сразу в Сталинск, он работает там на металлургическом комбинате, что он – сталевар. Варит сталь. Так что они благословили девушку, не спросив ее мнения. Их мнение было таково, что замужество для девушки и отъезд в город будет самым лучшим и менее болезненным вариантом, чем вот как Ульяна пойдет в работники в чужой дом к кузнецу.

И так Мария обвенчалась со своим Андреем в Кытманово. Обстановка была торжественной. Платье с самодельными вязаными кружевами красиво облегло фигурку Маши. Нельзя было сказать, что невеста светила счастьем. Как она могла светиться, если видела жениха второй раз в жизни. Первый – на обряде сватовства и второй – в церкви. Все прошло чинно. Жених был счастлив! Его родителям девушка очень понравилась своей скромностью и какой-то душевной чистотой.

Вскоре Андрей Иванович увез свою молодую жену Машу в город Сталинск. Никогда в их последующей жизни она не была просто Мария, имя ей было дано «Марья Ивановна»! Какой умный и порядочный ее муж Андрей! Какую трогательную заботу она видела от него всю жизнь! Для нее он всю жизнь служил образцом мужа, идеал мужчины. И она к нему обращалась соответственно: Андрей Иванович.

Уля проводила старшую сестру в город, поплакала и стала собираться в дорогу. Начинаясь ее жизнь прислуги в чужом доме.

Глава 3. Новая жизнь Ульяны

Раненько утром за ней приехал на лошади кузнец. Вся семья вышла проводить девочку.

Тетка молча вытирала слезы уголком головного платка. Дядя тоже переживал, хотя не показывал вида. Но он Ульяне считался отцом, они с теткой несли за нее ответственность. И дядя подошел к кузнецу и сказал коротко и ясно:

– Андрей Фортунатыч! Не вздумай обидеть девчонку! Убью собственными руками, если что! Она сиротка и Господь решил так, что мы отвечаем за нее. Так что, помни мои слова!

Кузнец был выше на две головы улиного дяди. Здоровяк! Рост, наверное, не меньше двух метров! Румянец во всю щеку! Голубые глаза насмешливо смотрели сверху вниз на дядю Ульяны.

– Да кто собирается обижать вашу девчонку! Она будет в доме по хозяйству работать. Не дадим ей надорваться! Садись, Ульяна на телегу! Поехали!

Лошадка резво побежала по просёлочной дороге. Уля тихонько вытирала слезы. Она понимала, что лучшей доли ей не увидеть. А там как Бог даст! В какой-то момент даже позавидовала сестре Марии, все-таки жизнь в городе казалась Ульяне не такой скучной и тяжелой, как в деревне! Город – это несбыточная мечта, тайна!!... Она видела в Барнауле высокие дома... Интересно, как в них живут люди!

Кузнец сидел впереди на телеге, всю дорогу он молчал. Смотрел задумчиво на поля, на березы, Ульяна сидела позади него на свежескошенной травке. Она удивлялась тому, какой могучий этот сибирский кузнец! Она знала, что работа в кузнице считалась нелегкой. Там нужна большая физическая сила. И руки кузнеца были такие большие и сильные! Казалось, что он горы может свернуть, если только пожелает.

Лошадка бежала бодренько и пассажиры тряслись на каждой кочке. Перед деревней он заговорил с Ульяной. Вытянув руку в направлении реки, он сказал, что вон там находятся его поля и луга, где он косит траву. И добавил с улыбкой:

– Да не бойся ты! Никто тебя не обидит! У меня сыновья – твои ровесники! Пусть только кто попробует тебя обидеть! Они любого пришибут! Хозяйка моя добрая, сама увидишь! Ешь и пей в доме без стеснения! И слушайся ее во всем!

Деревня, где должна была жить Ульяна, называлась Червово. Это довольно большая деревня, окруженная березовыми лесами. Кругом были уже колхозные поля. Но и у каждого жителя деревни были выделенные ему небольшие угодья, где он косил травку и заготавливал сено для живности.

Дом кузнеца находился недалеко от небольшого озерца. Сразу чувствовался зажиточный хозяин! Дом был большой. Крыша из металла, в то время как у многих в деревне еще крыши покрыты соломой. Просторный двор. Ворота кованые. На крыше дома на шесте укреплен петух, красивый, большой, из блестящего металла. С красивым гребнем. Он вращался в разные стороны. Уля засмотрелась. Да это же ветерок куда подует, туда и петух поворачивается! Странно! Она этого никогда не видела! Казалось, что бравый и задиристый петух оглядывает все свои владения! Хозяин, так называемый!

Хозяин пошел открывать ворота. Выбежали на улицу все домочадцы! Впереди всех выскочили два паренька, правда, по виду ровесники Ульяны. Она поняла, что хозяин говорил об этих парнях, когда обещал, что его сыновья защитят девочку от любого обидчика. Широкоплечие, рослые ребята! Похожи на своего отца! За ними бежала девочка, лет девяти-десяти. За ней мчались две девчонки лет трех-четырёх. Видно было, что они близняшки. Они никого не видели в упор и бежали на скорости к своему батю. Они повисли на нем как гроздь. Каждая повисла на ноге у отца. Они радостно щебетали и пытались залезть повыше, чтобы батя взял их на руки. Они привыкли, что отец у них такой высокий, пожалуй, выше всех в деревне. А когда

он по очереди подкидывал каждую девочку в воздух, им казалось, что они взлетают до облаков и визжали, но не от страха, а от радости и гордости, что у них есть такой батя!

Вот и сейчас они повисли на его ногах. И наперебой пытались что-то рассказать, отец снял с ноги одну, подкинул высоко над головой, поймал, поцеловал, и отпустил на землю. Точно это же проделал и со второй дочкой. Они успокоились. Свою порцию любви от отца получила каждая.

И в этот момент Ульяна увидела саму хозяйку. Ее она почувствовала сразу всем сердцем. Ей показалось, что она была как ее мама, которую Ульяна еще хорошо помнила. Помнила ее руки, запах ее волос...

Женщина была еще достаточно молодая. Светловолосая, высокая, полная... Да, правда, говорила тетя, что хозяйка ждет ребенка, и ей тяжело без помощницы.

Женщина подошла сразу к Ульяне, обняла ее, как когда-то мама, и девочке захотелось заплакать от всей души, прижаться к этой, чужой по сути, женщине и не отрываться от нее никогда. Но девочка все-таки сдержалась. Она посмотрела в глаза своей будущей хозяйке. Та улыбнулась и сказала:

– Зови меня Наталья Никифоровна. Или тетя Наташа, как захочешь. А как тебя зовут?

– Ульяна.

– Смотри, какое близкое мне имя! Моя мама тоже Ульяна! Будешь в нашем доме родной! Пойдем!

Обняла девочку за плечи и повела ее в дом. Место для сна Ульяне выделили в отгороженном закутке за русской печью. Там была лежанка, на таких всегда в сибирских домах греются старики. Ну, как говорят сибиряки, жар костей не ломит! Лучше спать у теплой печки, чем на холоде! Как еще шутят сибиряки сами о себе: сибиряки тепла не боятся!

Познакомилась с детьми. Она и сама была такая же, как эти дети! К сожалению, ей некогда было играть в детские игры. Она обязана была заменить хозяйку буквально во всем! И замесить тесто на хлеб, и выпечь его. А вечером коров подоить, их было две. Работы было нескончаемо много. Тетя Наташа учила девочку всем премудростям и хитростям ведения домашнего хозяйства. А Ульяна была внимательной и смысленной ученицей. Вскоре она научилась сама шить. И могла своими руками создать буквально любую вещь, любую одежду, вплоть до пальто и шапок. Вот такое добро шло от совершенно чужой женщины! И готовить еду научилась, и читать... Это тепло, исходящее от жены кузнеца сглаживало чувство тоски по оставленному дому и родным.

Чтение... Ульяна была взволнована, для нее это был как подарок свыше. Многие ее ровесники даже не представляли в те годы, что можно научиться читать... Книг в доме почти не было. Ведь это было сразу после революции. Но была Библия... И Ульяна пристрастилась к чтению священной книги! Теперь Ульяна поняла, почему Наталья Никифоровна назвала своих девочек совершенно не деревенскими именами. Одна девочка из близнецов была Ева, а другая – Рахель. Оба имени взяты из библейских событий. А с Библией Наталья Никифоровна не расставалась никогда!

Старший сын кузнеца Тимофей был всего на два года моложе Ульяны. Девочка ему явно нравилась. Он стремился везде заменить ее в трудные моменты. Не давал ей поднимать тяжелые ведра с водой. Парень имел доброе сердце!

Но к девочке пришла ее первая и тайная любовь. Никто не знал, и она тщательно скрывала свои чувства к парню, который был подмастерьем у кузнеца. Он готовил из своего подмастерья хорошего специалиста. Парень был из другой деревни, поэтому жил в доме кузнеца. Звали его Прохор. Он был в глазах Ульяны самым красивым парнем. Но не только красивым! Он был и добрым. Она чувствовала его тепло. А Прохор в душе держал надежду, что через полгода научится ремеслу кузнеца и сможет работать самостоятельно, тогда и попросит своих родителей послать сватов к тетке Ульяны.

Уля, конечно, могла только догадываться о чувствах Прохора. Их тайные чувства были настолько чисты, они они не стеснялись даже их высказать вслух. Только когда их глаза встречались, молодые люди все понимали без слов. Первая любовь...

Глава 4. Замужество поневоле...

В декабре Ульяне исполнилось шестнадцать лет. Она привыкла жить в доме кузнеца. Ее там никто не обижал, все относились к ней как к родной. Да и сама она делала все добросовестно и во всем помогала хозяйке. В один из декабрьских дней Наталья Никифоровна почувствовала себя плохо, она поняла, что наступают роды. В те времена все женщины рожали дома. Кузнец волновался как никогда. Он немедленно поехал за фельдшером, который жил в нескольких километрах от его дома. Ульяна бегала вокруг и страшно волновалась. Она не знала, чем помочь женщине, которую полюбила как мать.

Фельдшер прибыл и с порога начал диктовать, что ему подать, что сделать, куда поставить лампу, кому смачивать холодной водичкой лоб роженицы. Вскоре раздался крик ребенка. Девочка! Все почувствовали расслабление. Наконец все закончилось. Девочка была крупная, хорошенькая, и плакала громко, извещая мир о своем появлении в этом доме!

Однако схватки у Натальи Никифоровны не прекращались и фельдшер понял, что есть еще один желающий появиться на свет в этом семействе. Женщина была совсем без сил, но, слава Богу, и вторая девочка появилась примерно через час после первой.

Кровотечение продолжалось. Никакие старания пожилого фельдшера не могли помочь женщине. Кровотечение не останавливалось. Деткам помогли, а их мама медленно угасала. Она слабо пошевелила рукой, подзывая мужа подойти к ней поближе. Он подошел. Стоит ли говорить, как переживал кузнец Андрей. Он понимал, что жена умирает. Он взял ее за руку и пытался успокоить жену словами. Но она пошевелила пальцами, просила его помолчать. Она хотела сказать ему самое главное. Что ему делать без нее, как жить. Он понял это и замолчал. Все стояли в оцепенении. Ульяна – тоже.

Наталья уже не могла говорить. Она шепотом произнесла:

– Женись только на Ульяне! Она не обидит детей.

Это были последние слова. Все услышали их. Женщина закрыла глаза, ее рука в ладони мужа ослабла, вся постель была пропитана кровью и кровь стекала каплями на пол. Голова не держалась прямо, склонилась в сторону. Создалось впечатление, что женщина отвернулась от всех. Отмучилась. Душа покинула ее тело.

Осталось семеро детей. Последние слова Натальи Никифоровны услышали все, в том числе и сама Ульяна. Она не понимала, какая из нее жена. Ребенок совсем!

В горе была вся семья. На Ульяну легли все домашние дела. Новорожденные девочки не выжили. Фельдшер не мог спасти несчастных малышей. Через месяц их не стало.

Горю кузнеца не было предела. Он не выходил сутками из кузницы. Все свое горе переживал в одиночку.

Старшие дети как могли помогали Ульяне. На ней держалось все хозяйство. Заниматься было чем: во дворе было две коровы, две стельные телочки, от которых ждали приплод, несколько свиней, больше десятка овец. Не говоря уже о птице. И еще пара лошадей.

Ульяна со страхом ждала, что будет предпринимать кузнец. Она хорошо запомнила предсмертные слова его жены. В душе надеялась, что все может миновать, и ее не заставят выходить замуж за человека, годившегося ей в отцы.

Наступила весна. Снег уже начинал усиленно таять, дороги были непроезжими. Однако неожиданно кузнец уехал из дома и вечером возвратился с ульяниной теткой и ее мужем.

Сердце девочки застучало так сильно, и она подумала, что оно уже не в груди, что все ее тело – сплошное сердце!

Она поняла, что означает приезд родственников. Ей стало очень страшно! Что же ей делать? Как все может сложиться с Прохором? Ей не нужен никто другой! Душа ее с Прохором и так будет всю жизнь!

После ужина кузнец собрал всю свою семью в горнице. Пригласил Ульяну и ее вторых родителей. Уля все поняла, сердце ее кричало: убегай, убегай вместе с Прошей!

Кузнец в присутствии детей попросил руки Ульяны у ее родственников. Обещал, что будет Ульяне добрым и верным мужем. Тетка привезла с собой старинную икону, которую она сейчас торжественно держала в руках. Кузнец взял Ульяну за руку, подвел ее к тетке и та под образами освятила их брак, благословила свою племянницу. Девочка словно онемела. Больше она не могла произнести ни слова. Жизнь для нее закончилась с момента благословения ее брака с Андреем Фортунатовичем.

В сельском Совете наутро им оформили документы на брак. Родственники уехали, а как начинать жизнь в новом качестве, Ульяна не представляла. Прохор, конечно, узнал об этой новости. Во дворе, когда она доила корову, он незаметно вошел во двор и решил действовать быстро и четко. Без предисловий парень предложил Ульяне убежать в город и начать там с ним новую жизнь. Уля горько плакала, но послушаться родителей не могла. Тетка ей внушила, что кузнец не нуждается в ее приданом, он – зажиточный человек. А приданого ей приготовить родственники не имели возможностей. А кто захочет взять в жены бедную сироту без приданого?

Молодые люди плакали, не стесняясь своих слез. Велико было горе расставания. Любовь только пришла к их порогу, но не вошла в дом. Дом своего счастья им было не суждено создать... В этот день Прохор сообщил кузнецу, что должен возвратиться домой. Больше Ульяна его никогда не видела...

Прошла зима. Ульяна жила как в тяжелом страшном сне. Не хотела она быть женой человека, которому было под сорок, когда ей было всего шестнадцать лет. Он казался ей просто стариком. И действительно, горе оставило свои следы на облике кузнеца. Волосы стали седыми, глаза поблекли, он отрастил бороду. Да и борода тоже поседела... А девочка еще даже в девушку не успела превратиться и вот... стала женой старика!... Девочки Ева и Рахель сразу стали звать Ульяну мамой. Сначала они не могли понять, почему мама не дома, тогда отец показал им на кладбище могилку и сказал, мама вот здесь. Домой она не может вернуться. А дома их всегда ждала ласковая и добрая Уля, которая их любит так же, как мама. Так они приняли Ульяну.

Тимофей – старший сын кузнеца вытянулся, дотянулся до отца, а потом и перерос его.

Парень как-то разом повзрослел после смерти матери. На Ульяну он как и раньше смотрел с нежностью. Старался помочь ей всегда, чем только мог. Все остальные дети признали Ульяну матерью.

Только сама она не могла себя признать женой кузнеца. В деревне ее сразу перестали звать по имени, а только «Кузнечиха». Надо сказать, кузнеца уважали в деревне.

Действительно, его было за что уважать: кузнец превосходный, все люди обращались к нему. Да и пимокат он был отличный. Его руками сделаны валенки для каждого человека в деревне. Так что кузнецу все сочувствовали, жалели его сироток-детей и по-человечески радовались, что у детей теперь есть мать, добрая Ульяна.

Глава 5. Предательство сестры

По теплу, когда растаял снег, Ульяна попросила мужа отвезти ее к родным. Брата Женю и сестру Катю она не видела уже целый год. Своих родных Ульяна нашла в хорошем состоянии. Они получили за работу Ульяны весь обещанный скот и пшеницу. Купили лошадку, и теперь жили более-менее обеспеченно.

Сестра Катя была старше Ульяны на два года, так что теперь ей шел уже девятнадцатый год. Родные отправили ее также как и Ульяну в чужую семью, где она должна была помогать в хозяйстве. Но там оказались люди безжалостные, никто ее не жалел. Кате приходилось таскать тяжелые мешки с пшеницей, картошкой. Бедная девушка надорвалась.

Ульяна всегда имела доброе сердце, как же ей было не помочь сестре и не облегчить ей жизнь. Она тут же попросила мужа взять Катю к ним домой. Ей все равно надо искать помощницу в дом.

Кузнец не возразил жене ни единым словом, и в тот же раз они уже увезли Катю с собой в свой дом в Червово.

Катя была трудолюбивой, ловкой, все по хозяйству делала быстро и качественно. Когда наступила посевная пора, кузнец нанял несколько односельчан, и отправился вспахивать поле и сеять пшеничку. Катю взял с собой для того, чтобы она готовила еду мужчинам. Потом начался сенокос, и Катя снова оказалась в полях вместе с хозяином.

Ульяна поняла, что она беременна. Поделилась новостью с мужем. Он очень обрадовался, дети никогда не помеха. В деревне почему-то бабы перешептывались и при виде Ульяны сочувственно качали головой. Ульяна не понимала, что происходит, но было беспокойно на душе.

Решила о странном поведении односельчанок спросить соседку. И та наконец открыла Ульяне глаза на реальность.

Оказывается, ее сестра Катя с первого же месяца появления ее в доме сестры уже начала сожительствовать с кузнецом. А возможностей было для этого хоть отбавляй! Вместе на природе, оставались ночевать в избушке у реки, на лугах, принадлежащих кузнецу...

Лучше бы Ульяне умереть, чем слушать такие новости. Все в деревне знали о беременности Ули, но одна лишь Уля не знала о беременности Кати. Срок беременности был примерно одинаков у обеих сестер.

Жить после такой новости не хотелось. Ульяна попыталась выяснить ситуацию у мужа, но он не допустил даже начала разговора. Резко оборвал Ульяну и ушел в кузню. Когда Ульяна решила поговорить с сестрой Катей, та неожиданно проявила агрессию.

– Чем я хуже тебя? Я его люблю также, как и ты. Да ты и не любишь его! А я люблю. Что я собираюсь делать? Ничего! Жить с ним. Ты мне не мешаешь. А если я тебе мешаю, то уходи из дома. Я и сама с его детьми справлюсь.

Как душа страдала, знает лишь Ульяна. В доме дети и не догадывались, что их мама собирается свести счеты с жизнью. Когда кузнец собрался на жатву пшеницы, как всегда, он не мог обойтись без Кати. Кто же кроме нее будет вязать снопы? Некому абсолютно! Приказ выдан. Катя быстро собрала еду и побежала к телеге.

Ульяна поцеловала всех детишек, приласкала их как всегда. Она их действительно уже полюбила. Знала по своей жизни, как тяжело детям без мамы жить... И старалась быть им настоящей мамой. Когда ее муж с Катей отъехали от дома, она нашла в кладовке веревку и пошла в сарайчик. Он был пуст, вся живность в полях с пастухом. Никого нет во дворе. Никто не видит. И спасти никто не сможет.

Бедная женщина не видела смысла в жизни. Радости никогда не было и откуда ее ждать? Неумело завязала веревку, связала петлю, подставила лесенку, повыше своего роста закрепила веревку с петлей. Помолилась, попросила мысленно у детей прощения. У своего не рожденного

ребенка – тоже. Всунула голову в петлю и прыгнула со ступеньки лестницы в смертельную пропасть. Резкая боль в шее... Больше Ульяна ничего не почувствовала, она просто потеряла сознание.

Не суждено было видно детям остаться еще раз сиротами. И ее первенец тоже очень хотел жить. Ради детей, наверное, Бог ее спас. Кузнец только отъехал от дома, как вспомнил, что ему не хватит веревки, надо было стожок сена погрузить на телегу, чтобы везти домой и перевязать его веревкой. Надо вернуться и захватить еще моток. Вот только это и спасло Ульяну.

Когда кузнец стал искать в кладовке веревку, дети сказали ему, что мама с веревкой ушла в сарайчик. Как будто кто изо всей силы стукнул его по голове. Он чуть не упал. Все понял в одну секунду и бегом ринулся в сарайчик. Ульяна билась в конвульсиях, она еще была жива. Кузнец подхватил жену и приподнял ее вместе с веревкой. Руки кузнеца действовали автоматически, он даже не мог осознать, какими должны быть его действия. Но действовал единственно правильно. Приподняв жену над полом, он боялся вытаскивать ее голову из затянувшейся петли. Просто взял своей могучей рукой, рванул с потолка жердь, на которой Уля закрепила петлю, снял жену с жердью и веревкой прямо на пол. Затем осторожно разрезал ножом петлю, и освободил шею Ули от веревки.

Через несколько минут Ульяна пришла в себя и увидела наклонившегося над ней мужа, она вспомнила о своем желании умереть. Поняла, что спас ее муж. Заплакала беззвучно, она не хотела ни с кем разговаривать.

Кузнец решил успокоить Ульяну. Он понимал свою подлость и предательство по отношению к жене. Она не заслужила измены.

Но вслух произнес лишь одну фразу:

– Катя не виновата, это я во всем виноват. Жить будем как и раньше. Катю не тронь, иначе хуже будет.

Взял обрывки веревки и уехал в поле. Ульяна так и пролежала весь день в сарае. У нее не было сил встать, а еще больше не было желания жить.

Вдруг внутри нее, в животе, что-то произошло необычное. Кто-то толкнул ее в бок. И она поняла, что ее первенец зашевелился, и впервые хорошенько толкнул маму ножкой, напомнив ей о себе. Ребенок, очевидно, испытал удушье, и зашевелился, призвав маму побереечь себя и его тоже.

Ульяна положила обе руки на живот, она теперь их держала над животом только чуть касаясь места, где ребенок постучал ножкой, обращаясь к маме.

Нежное чувство, любовь захлестнула молодую женщину. Она ведь не была еще настоящей матерью. Просто любила чужих детей. А этот ребенок ее. Никто не может отобрать у нее счастье материнства. Уля тихонько встала и медленно пошла в дом. Она не имеет права умереть.

Глава 6. Новый этап замужества Ульяны

Начался следующий этап ее замужества. К сожалению, он не стал легче первого. Жить продолжали втроем. Все в деревне знали об этом, но жалели Ульяну, а Кате доставались обидные слова вслед. Это Ульяна носила фамилию мужа – Дубравина, а у Кати была девичья фамилия – Тюрина.

Настало время родов. Так случилось, что сестры родили своих первенцев в один день. Это было в 1922 году. Ульяна родила девочку Антонину, а ее сестра Катя – мальчика Васю. Ульяна рожала дома на супружеском ложе, в то время как Катя рожала в бане, на полке. (Ударение на втором слоге. Это не полка, на которой стоят книги или кувшин, а полоч, который устанавливают в русских банях, как небольшие нары над полом, на нем детишек моют и парятся взрослые).

Удивляться нечему, что женщины рожали в бане. Повитуха обычно принимает роды, обмывает младенца. Банька немного подтоплена, и тут же на полке повитуха «правит» женщине живот.

Обычно деревенские женщины от тяжелой физической работы болеют, происходит опущение матки. И деревенские лекарки умеют ставить органы на место, иначе говоря «правят живот».

А тут рожают одновременно две женщины! И бедная повитуха носилась бегом от одной роженицы к другой. Слава Богу, все закончилось благополучно!

Дети родились обои здоровенькие и похожие друг на друга как близнецы. Да и чему тут удивляться! Мама – родные сестры, а папа тот же самый, бородатый красавец и силач – кузнец Андрей... Ульяна родила Тонечку, а Катя – Васеньку.

Время идет, в ситуацию любовного треугольника втянуты сестры. Ничего невозможно поменять. Обе сестры живут в доме кузнеца. Хозяйка – Уля, домработница – Катя. Казалось бы, все притерпелось к создавшейся ситуации. Уля больше находится дома и приходится ей кормить грудью обеих малышек, и ухаживать за двумя детьми, а Катя работает в поле вместе с кузнецом.

Все ночи кузнец проводил с женой, в их супружеской постели. Но как только Ульяна замечает, что Катя начинает нервно бегать по двору, и потом шмыгает в баню, Ульяна понимает, что минутой раньше туда уже прошмыгнул ее муж, Ульяне становится невмоготу от чудовищного предательства сестры. Ее она все-таки считает близким человеком, у них одна кровь в жилах, в отличие от мужа, к которому она так и не привыкла и тем более не полюбила. Самым отвратительным было ощущение безысходности. Неизвестно, будет ли когда-нибудь конец этого треугольника, или придется до смерти видеть этих двух людей, из-за которых Ульяне и жить не хочется. Но жить надо. Она чувствовала огромную ответственность за свою дочку Тонечку и за детей кузнеца. Она просто обязана вырастить их хорошими людьми! Ведь ее тетка тоже не бросила и вырастила.

Это были двадцатые годы двадцатого столетия. Революция совершилась. Власть перешла к рабочим и крестьянам. Кто-то делает революцию, а на простых людях отражаются результаты действия политических вождей. Коллективизация нанесла крестьянам огромный ущерб. Теперь надо было отвести свою коровку на общую ферму, а разве там о ней позаботятся также хорошо, как ее хозяйка дома? Нет, конечно! Общественная собственность пыталась взгромоздиться на плечи частной собственности. Но, как показало время, ничего хорошего из этого не вышло.

Вскоре началось раскулачивание. Кузнец и сам мог бы войти в состав раскулачиваемых, но спасло его только то, что он не покладая рук работал на своих полях, сам катал валенки для людей, подковывал всех лошадок в деревне. Но главное, он состоял в партийной ячейке. И имел

авторитет среди населения. Причем, постоянных работников в своем хозяйстве не держал. Нанимал мужиков только на период посевной и уборочной страды.

Более-менее зажиточных крестьян извещали о том, что им надлежит покинуть свою деревню и уехать очень далеко от родных мест, например в северную часть России. В Мурманск или еще куда-нибудь, вплоть до Дальнего Востока. Взять могли с собой только немного одежды. Кто из односельчан сопротивлялся и не хотел оставлять родные стены, тот мог получить и пулю, либо удар пашкой от своих же односельчан. От бедных и считавшихся ленивыми, так как теперь они могли отыгаться совершенно безнаказанно над теми, у кого они еще недавно батрачили за мешок пшеницы всю посевную и уборочную страду. Были и такие случаи, когда люди пытались оставить своих детей у родственников и покинуть село одним. Но члены партячейки не допускали такого поворота событий. Говорили, что из кулака вырастет только кулачонок, это будущие враги Советской власти, и их надо поднимать на штыки. Либо пусть кулаки убираются из деревни вместе со своим отродьем, либо их отродье – на штыки.

Кузнец Андрей Фортунатович решил вступить за несчастных детей. Выступая на собрании партячейки он сказал:

– Не надо убивать детей, пусть они остаются в деревне и воспитываются у родных. Это наше будущее. Они вырастут и не будут помнить своих родителей богачей. Давайте проявим милосердие. Ну, куда мы можем выпроводить малых детей. Померзнут дорогой. Не бывают дети чужими!

Кузнецу никто не возразил. И он порадовался, что можно будет оставить детей в деревне, в случае, если их родителей вышлют в далекие север. В тот вечер Ульяна не могла дожидаться мужа домой с вечернего заседания партячейки. Ночь давно уже наступила, была полная темнота. Уля побежала к сельскому Совету. Но там все было закрыто, улицы были пустынные. Не светило ни одно окно. Все спали. Где ее Андрей? И Уля побежала короткой дорогой, мимо кладбища, через овраг. Она знала, что ее муж, сокращая путь, мог пройти по этой дороге. Пробираясь по оврагу, спотыкаясь о коряги и ветки, Ульяна прошла почти весь овраг и вдруг услышала тихий стон. Конечно, кто еще мог тут быть? Только ее муж.

Она пошла на едва слышимые звуки. Недалеко от тропинки, в яме лежал ее Андрей. Она не помнила, как она смогла вытащить огромного, двухметрового мужика из ямы? Откуда появились силы? Как дотащила его домой, тоже не могла вспомнить. Он был почти без сознания. Но сумел рассказать главное: его коллеги по партячейке вечером, когда он возвращался домой, догнали его. Вроде шли, разговаривали. Он и не ожидал никакого нападения. Вдруг почувствовал сильный удар по голове, потом еще один удар. Больше ничего не помнит. Били его все, очень старались не оставить кузнеца-правдолюбца в живых. Когда им показалось, что кузнец уже на пути в рай, они бросили его тело в яму, из которой он все равно сам не смог бы выбраться и со спокойной совестью разошлись по домам. Вот пусть теперь этот мертвец помогает кулацким детям!...

Да, действительно, если бы Ульяна не бросилась на поиски мужа, то он не смог бы выбраться из ямы, и все бы закончилось грустно.

Уля разбудила всех деток и попросила их помочиться в мисочку. Собрав как можно больше мочи, она начала поливать ею раны мужа, этот метод спасения она слышала еще в раннем детстве. Прошла неделя, и кузнец встал на ноги. Больше его никто не трогал, но и он покинул партийную ячейку, где вместо друзей и единомышленников оказались тайные враги.

Глава 7. Дети кузнеца

Время летит незаметно. Уже подросли дети кузнеца. Их на момент появления у Ульяны своей первой дочки осталось трое. В ту зиму началась эпидемия тифа. Переболели почти все в семье. Ульяна ухаживала за всеми. В то время и лечить-то особо было нечем, и врачей не было в деревне. Выжили все, кроме Евочки и Рахели. Девочки страдали больше всех, для малышек эта болезнь часто оказывалась смертельной. Увяла первой Евочка. Ульяна рыдала весь день, не хотела выпускать из рук мертвое тело девочки. Она не верила в смерть малышки и все старалась разговаривать с ней, надеясь, что та услышит маму. Но беда не приходит одна. Вслед за ней умерла и Рахель.

Похоронили девочек рядом с их мамой Натальей Никифоровной. В ту весну кладбище пришлось увеличивать по площади. Вся деревня обзавелась новыми могилками. Тиф не щадил никого.

Остальные дети уже стали почти взрослыми. Тимофею шел шестнадцатый год. Гаврилу исполнилось четырнадцать и Марии было около тринадцати лет.

Тимка никогда не озвучивал свою душевное расположение к Ульяне, но его фактическая забота и трогательная нежность к мачехе!... Это невозможно было не почувствовать. На что уж деревенские парни не приучены с детства к проявлению нежности. Но Тимофей!... Это не про него! Он не давал Ульяне ходить самой к колодцу по воду, понимая, что для женщины это тяжело. А он от всей души желал Уле здоровья! Находясь в поле, в пору сенокоса, среди свежескошенной травы он отыскивал веточки полевой клубники, в Сибири ее звали просто «ягода». Так вот эти веточки ягоды Тимофей всегда приносил домой и вручал мачехе. Это делалось открыто. А кому как не хозяйке дома надо отдать эти веточки?! Ну, и Уля распределяла каждому члену семьи по несколько красных и необычайно ароматных и вкусных ягодок. А то привезет с полей букет полевых цветов. Он знал, что Ульяне нравились васильки, поэтому синеглазые цветочки не переводились в их доме все лето.

Тима уже начал помогать отцу в кузне и руки оказались как у отца – золотые!

Гаврил рос молчаливым и замкнутым. Ему очень не нравилась ситуация двоеженства отца. Не принято было на Руси так позорить свою жену! А отец именно так и делал. Гаврил видел, как было стыдно Ульяне показаться на людях, все перешептывались. И он понимал причину. Мачеху он полюбил всем сердцем, и считал Ульяну родной матерью, хотя хорошо помнил свою маму Наталью. Конечно, внешне их нельзя было сравнивать. Мама была высокая, белокурая, у нее была толстая пушистая коса, ниже пояса... Она светила как яркое солнышко...

А Уля была невысокая, ладная, стройная, ее глаза были серые, с поволокой, волосы темно-русые, заплетенные в длинную косу.

Как помнил Гаврил, он любил ходить за мамой Наташей как хвостик: она в кладовку, он за ней, она к печи, и он тут же крутится! Мама корову доит, он рядышком на корточках. Всегда с мамой, и никогда – с отцом! Он сам не понимал, почему так все происходит. Видно, отец был всегда в кузне, там ужасная жара, отец занят. Всегда у кузни стояла очередь мужиков, которые привели сюда лошадок с целью их подковать. И отцу некогда было заниматься сыном, для этого есть мать.

Одним словом, Гаврилка все время был маминым «хвостиком». Когда ему было лет пять-шесть, он решил маме преподнести сюрприз. Он частенько представлял, куда сейчас мама должна пойти. Понимал, за мукой в кладовую! Забегал раньше нее и прятался там за дверью. Это у них была такая своеобразная игра! Мама заходит, а он выпрыгивает из-за двери как тигр и бросается на маму! Они обнимаются, он повисит у нее на шее с минутку, знает, больше у мамы нет времени на него, много дел в доме. Мама посмеется вместе с ним и пощекочет сыночка, а потом он спрыгивает на пол и они уже дальше вместе занимаются чем-то.

Так вот сюрприз Гаврилка хотел преподнести такой. Он посмотрел, мама собирается достать из погреба соленых груздей. Вот и миску приготовила. Да, и капустки квашеной с огурчиками, это уже попутно, тоже должна взять. И Гаврил решил спрятаться раньше мамы в погребе, и вот как леший он набросится на нее из-под лестницы, когда она будет спускаться вниз. Закрыл за собой крышку погреба, и стало так темно ему и холодно. В глиняном погребе никогда нет уличной температуры. Там всегда постоянно держится несколько градусов плюса. Сколько времени прошло, он не знает. Открыть крышку он пытался изо всех сил. Но их явно не доставало. Крышка была слишком тяжела. Ему было страшно, но он понимал, что его все равно будут искать и найдут.

А наверху-то быстро хватились, что ребенка нет. В те времена никто не похищал детей. Про педофилов никто и не слышал. Значит, мог только утонуть! Всей семьей пробежали вдоль речки, спрашивали по всей округе, не видели ли их Гаврюшу. Ночь прошла в панике. Никто не знал, где искать ребенка... Лишь бы только был жив!

Наталья Никифоровна, понятное дело, не спала всю ночь. Перебирала в голове все события минувшего дня. И вдруг ее как обухом по голове: ведь ребенок от нее не отставал ни на шаг. Куда она собиралась идти, что делала? Да, она помнит, они говорили с Гаврилкой, что к обеду груздей солененьких достанем. Она открыла неподъемную крышку погреба и пошла за посудой для солений. И тут он исчез. Больше она его не видела. Ведь он мог спуститься в погреб и там маму ждать! А крышка погреба вечером оказалась закрытой, но Наталья не обратила на это внимания.

А ее отвлекла соседка, у которой внезапно заболела дочка. Ребенок горел, температура была такая высокая, что девочка могла просто умереть. А началось у девочки с того, что горлышко заболело у ребенка. Две матери провели консилиум, согласовали метод лечения, заварили травки, смочили ткань слабым раствором уксуса и завернули ребенка. Прошло около часа. Про грузди Наталья уже забыла. А вот что Гаврилки нет, вспомнила... Всю ночь она ходила, комкая в руках кончики головного платка, слезы лились из глаз ручьями. Она представляла самые ужасные картины, чего она только себе не напредставляла! Если ее солнышко Гаврюша находится в погребе, он же совсем простынет там!

Она выскочила из дома, кузнец сидел на крыльце, опершись локтями в колени и поддерживал голову ладонями. Горе так и сквозило в его позе. Ну что, что могло произойти? Кому понадобился пятилетний мальчик? Врагов в деревне у кузнеца не было. Его все уважали и кроме как по имени-отчеству не называли.

Когда на крыльцо выбежала взволнованная жена, растормошила сидящего в оцепенении мужа... Мать больше не сомневалась, где ребенок. Конечно, закрыть крышку погреба легче легкого. А вот открыть ее снизу для ребенка непосильно. Только бы он не замерз и не простыл!

Они мигом оказались у погреба, отец зажег фонарь, открыл тяжелую крышку погреба и почти спрыгнул вниз. Некогда тут спускаться со ступеньки на ступеньку.

– Сынок, где ты?

Ответа не последовало. Фонарь осветил все пространство погреба. Ребенок лежал в ларе с картошкой. Видно было, что он основательно продрог, потому что согнулся калачиком и уснул. Одежда на нем была влажная. Ребенок был едва жив от переохлаждения. Рубашка и штанишки, босой... Как он мог себя чувствовать больше половины суток в темном и холодном погребе?

Тут же затопили баню, прогрели ребенка, напарили его березовым веничком. Он там же, в баньке, и уснул. Родители пытались хоть чем-нибудь покормить мальчика, но он спал мертвым сном. Только отодвигал руку мамы, которая пыталась напоить его молочком.

Все обошлось более чем благополучно! Генетика сибиряков! Об этом разговор особый!

Гаврилка даже не кашлянул, утром встал и умчался играть в огород. Зато потом он долго не мог смотреть на соленые груздочки, а еще больше он возненавидел квашеную капустку и огурчики. Наелся он их в тот день в погребе до отвала...

Вот так вспоминал Гаврил годы, проведенные рядом с мамой. Их любовь была взаимной и сильной! Тяжело ему пришлось после смерти мамы. Он не рад был и сестренкам, которые родились, но отняли у него маму, и их потом отец похоронил с нею рядом. Еще больше горя он испытал, когда умерли от тифа его сестренки Ева и Рахелька. Несправедливо жизнь устроена! Он видел много семей, где было еще больше детей, например семь или девять детишек. Жили впроголодь... Но все были живы. А у них всего в достатке, но ушла мама и увела с собой четырех сестренек. Как с этим примириться?

Гаврилка рос, горе понемногу освобождало его душу. Он привык уже к маме Уле. Правда, он за ней так не бегал, да и не мог он позволить себе бегать за мамой как будто он маленький. Он уже помогал всю отцу катать пимы (валенки на современном языке). Но всегда сердечко его стучало сильнее, когда мама Уля гладила его по головке. Когда шила ему рубахи и штаны, примеряя мальчику одежду, она уже смотрела на него снизу вверх. Дети вообще были рослыми и плечистыми уже с детства. И так ему хотелось материнской ласки, что когда мама Уля гладила его по голове, он замирал. Стеснялся проявить ответную любовь. И сказать даже ничего не мог, убегал тут же... Но Ульяна понимала смятение и сокровенные чувства мальчика: сама росла также и хотелось ей плакать от каждого доброго слова, а от прикосновения и вовсе...

Третий ребенок кузнеца – дочка Маша. Она была похожа на ее Тонечку как две капли воды. Разница меж ними была более 10 лет, но невероятное сходство... Опять же гены сибиряков дают о себе знать! Маша была спокойной девочкой. Она росла в этой семье, но как будто принесена из другого племени и подкинута к ним в огород. Нет, внешне она была похожа на отца и на младшую Тонечку. А душой она была как бы в заморских царствах. Не хотелось ей смотреть на коровушку, идущую домой вечером с огромным выменем, наполненным молоком. Не нравилась ей работа отца в кузне. Гораздо больше ей по душе были красивые платья, которые мама Наташа, а потом и мама Уля старались сшить своим дочкам. И ей в том числе. Вот куда тянулась ее душа!

Ульяна почувствовала в девочке большое желание и научила ее кроить всевозможные предметы одежды. Шили даже пальто малышам. И вообще, обшивали с мамой Улей всю их семью.

Семья была большая, каждый имел свои обязанности. Только много раз Маша видела, как горько плачет ее мама Уля, и понимала, что причиной ее слез является Катя. А вот эту Катю девочка ненавидела всей душой. Она уже понимала всю подоплеку создавшейся ситуации.

Всем троим детям кузнеца очень не нравилась эта ситуация. Но отец поговорил со всеми тремя довольно строго. И дети поняли, что надо ждать, пока они вырастут и уйдут в самостоятельную жизнь, потому что в доме их мнение слушать отец не собирается. Хозяин в доме – только он.

Глава 8. Воспоминания Ульяны

И снова Ульяна в работе. С утра до ночи... Подоила коров на ферме, отпустила их к пастуху, напоила теляток и выделила себе часок, чтобы уснуть. Ночь-то провела в размышлениях да воспоминаниях. Но и снова не смогла уснуть. Как недавно все это было...

Их четверых забрала тетка, переезд в теплушках в Сибирь, жизнь в доме кузнеца в качестве прислуги. Нежеланное замужество... Зачем она попросила мужа взять к себе в дом Катю? Чтобы сестре было полегче. Чужие люди ведь не берегут домработников. Нагружают на плечи девушки мешок, а как ей придется его нести – не думают. Правильно говорят, не делай хорошего, не получишь плохого! А вот сестрица ей и преподнесла сюрприз... Рождение ею и Катей первенцев.

Позор от предательства близких людей, смерть девочек Евы и Рахели...

И что из всех этих событий было действительно радостным? Только рождение своей дочки Тонечки. Только она и порадовала маму своим появлением на свет.

Наступила осень, был конец октября. Снег укрыл поля, начались морозы.

Вдруг однажды приходит посыльный из сельского Совета с письмом от властей.

В письме находится приказ о прибытии кузнеца Дубравина Андрея Фортунатовича в г. Сталинск. Там начинается строительство новых корпусов металлургического комбината. Великие сталинские идеи и планы строго должны реализоваться в жизнь. Кузнецов из окрестных сел всех до одного забрали повесткой на стройку века. На сбор давалось три дня.

Уля очень расстроилась, переживала о том, как она с сыновьями-подростками сможет справиться весной с посевом пшеницы, а летом надо будет заготовить дрова, сено... Дела чисто мужские. Женщине с этим не справиться. Но послушаться Сталина никто не мог... Об этом и думать не смели. Надо ехать, иначе – тюрьма мужу.

Кузнец начал готовить свои инструменты, одежду для отъезда. А он хотел еще скатать всем детям по новым валенкам на зиму. Вот тебе и рухнули его планы.

И тут к Ульяне подходит Катя. Явно хочет о чем-то попросить сестру. Но не решается.

– Да уж говори, не майся! Знаю, что ничего хорошего от тебя ждать не приходится.

– Уля, я не хочу ничего плохого делать! Разреши мне уехать на зиму и пожить у тетки. Если меня Андрей Фортунатыч завезет к ним в Кытманово, когда поедет в Сталинск. Как ты, разрешишь?

– Поезжай, раз уж хочешь погостить. Я не против.

Катю как ветром сдуло. Побежала собирать вещи для себя и для сыночка Васеньки.

На следующий день Ульяна заложила сани тулупами, загрузили туда мешки с продовольствием, закутанная в тулупчик Катя с маленьким Васяткой уселась в сани. Ульяна сверху закрыла их овчинными тулупами. Вышел на крыльцо Андрей. Одетый по-дорожному. Подошел к жене попрощаться.

Ульяна смотрела на него снизу вверх и думала:

– Красавец какой! Здоровый! Косая сажень в плечах! И ведь словом не обижает! А предал как самого злого врага! Как он мог? Разве сделал бы так Прохор?!

Слезы невольно выступили на глазах. Андрей это понял по-своему:

– Ульянушка, ну не плачь! Вернусь ведь, никуда не денусь... Держись тут! Тимка с Гаврюхой будут тебе помогать. Ты им не давай лениться! Ну давай, женушка!

Чмокнул на прощанье Ульяну в щеку и широким шагом направился к лошади. Браво запрыгнул в сани, помахал на прощанье своим домочадцам плетеным кнутом и крикнул на лошадку: Давай, ходуу!...

Прошло месяца полтора. Неожиданно подъехала к дому подвода. Уля не знала, кого и ждать. Никто не обещал приехать.

Однако из санок, из-под кучи тулупов вылезли тетка с мужем.

– Приехали навестить вас. Как вы, как Тонечка, растет наша красавица?

А где Катя? Где Андрей Фортунатыч?

Понятное дело, тетка и ее муж знали о двусмысленном положении Ульяны и наглости Кати, но все уже взрослые. И каждый сам для себя выбирает, как ему строить жизнь... Они не знали, как можно вмешаться в жизнь сестер и что при этом им можно сказать...

Ульяна опешила.

– Как? А Катя – то к вам уехала полтора месяца назад... Она что, не у вас?

– Почему же она должна быть у нас?

Всё стало ясно. Ульяну снова предали, и так сильно обманули, как никогда раньше! Катя уехала с Андреем в Сталинск!

Родители тоже поняли суть ситуации без объяснений.

Побыли немного, попили чайку да и поехали засветло домой. Поехали, не зная, чем помочь дочке, а Катя – ну просто гулящая девка... У взрослых детей в доме горе, и родители так же страдают...

Глава 9. Новое предательство сестры

Ульяна даже плакать не могла. Сухими глазами она смотрела в потолок. Ее женская доля была

ужасной. Чужие дети ей не мешали. Она их любила и защищала от тягот жизни как могла. И они ее любили как родную мать...

Но Андрей?? Катя? За что они с ней так?

Ульяна так и провела ночь без сна. Она рисовала всякие сценарии, позволяющие ей кардинально поменять свою жизнь. Уйти с дочкой? Куда? В работники? К тетке? Но тетка не согласится стать виновницей в разрушении семьи кузнеца. Снова попытаться уйти из жизни? А дети? Как они останутся? А теперь и ее собственная дочка Тонечка останется без матери... Уля на своей шкуре испытала боль потери родителей. Сиротство. Безрадостная жизнь.

Встала на рассвете, чтобы снова включиться в круг обязанностей хозяйки многодетной семьи и

крутиться как белке в колесе...

Вдруг потолок как будто обрушился на нее, она буквально опрокинулась навзничь. Ноги не держали ее, все кружилось перед глазами. Нет, лучше уж закрыть глаза. Так она лежала на полу, пока ее не увидел Тимофей. Он испуганно подскочил и спросил:

– Мам, что с тобой? Тебе плохо? Что случилось?

Ульяну неожиданно затошнило, да так сильно, ее стошнило на пол.

Тимофей принес водички, она выпила пару глотков, Отошла немного, перестала кружиться голова. Она слабо прошептала:

– Тима, все в порядке. Наверное, простыла!

Ульяна уже поняла, что никакая тут не простуда виновата. Она беременна вторым ребенком.

Радости вообще не было от сознания того, что скоро у нее будет еще один ребенок, который тоже не будет испытывать радости от жизни в такой искореженной семье. Ну, как жить детям? Ведь вскоре они начнут понимать, что так в их деревне никто больше не живет. У всех детей по одной маме, а тут – две. И у каждой свои дети... Какой – то ад на земле!...

И ее пронзила еще одна, самая горестная мысль:

– Почему я узнаю о беременности в такие страшные моменты?

И хотя жизнь для нее не имела уже никакого смысла, умереть она не имела права. Дети! Они ни в чем не виноваты! Ни свои, и ни дети ее мужа...

Ульяна держала в себе боль души, плакала и днем, и ночью. Потом уже и плакать перестала. Прошло почти полгода. Живот был таким большим, что Ульяна даже опасалась, что могут быть двойняшки. Куда ей? Как она выживет? Хотя Тимофей уже стал работать вместо отца в кузне, а Гаврил делал первые попытки катать валенки, он же видел, как это делал батя, и сам помогал ему. Дети помогали во всем. Защита была надежная! Прав был Андрей, когда впервые вез ее к себе в дом, он тогда сказал, что у него два сына, которые никому не дадут ее в обиду. Он был прав! Парни выросли отличные!

Поговорить о своем горе было ей не с кем. И однажды к ней сама заглянула соседка Васильевна, которая всегда хорошо относилась к Ульяне и звала ее дочкой.

– Дочка, Улюшка, чего такая невеселая сидишь? Что от мужа, какие вести?

Конечно, все в деревне уже успели обсудить эту новость, что кузнец уехал и взял с собой Катку, а бедная Уля осталась с животом. Все ей сочувствовали. Потому и у Васильевны – то душа болела за Улю. Соседка видела всю ее жизнь в доме Дубравиных с самого начала и до сих пор.

Уля беззвучно заплакала. Горькие слезы ее катились по щекам, и падали на выпирающий живот...

– Васильевна, родная, что же мне делать-то? Катя ведь с ним, там, в Сталинске...

Как я буду тут с малыми детьми управляться? А сенокос, дрова на зиму надо готовить...

Васильевна задумалась, долго молчала, как будто решаясь на какой-то подвиг. Ее нахмуренные брови выдавали напряженное состояние.

– погоди-ка, дочка! Я сейчас вспомню. Меня моя бабушка много чему учила, да мне это в жизни не пригодилось.

Васильевна села рядом с Ульяной за стол, взяла ее за руки и тихонько прошептала:

– Ты скажи мне правду, хочешь ты мужика своего вернуть домой? Или он тебе уже так ненавистен, что лучше одной жить?

Ульяна опять вспомнила свое детство. А если с ней что случится, и она не сможет родиться, и снова дети останутся сиротами. А кому они будут нужны? Катке бессовестной?

Уля решительно тряхнула головой:

– Хочу вернуть!

– Ну, тогда смотри! Слушай и запоминай!

Сегодня ночью, в полночь встань, надень рубаху ночную, такую, где меньше всего швов, расплети косу, распусти волосы, возьми из ларя муки горстку, положи ее на железный листик и обложи ее вокруг угольками из печи. Мука не должна сгореть, а только нагреться. Пока угольки тлеют, ты шепчи вот эти слова... Встану я, раба божья Ульяна, благословясь, выйду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота...

И Васильевна тихо прошептала слова заговора на возвращение беглого мужа.

– Запомнила? Ну вот как раз на рассвете эту мучку вынесешь в горсточке, и на ветер ее отпусти в сторону Сталинска. Город-то Сталинск помнишь в какой стороне? Не была там? И я не была, но знаю, что вон в ту сторону дорога уходит на город.

Слова повторишь еще раз, когда муку отпустишь на ветер.

А уже утром, когда первый лучик солнышка появится, помолись, и попроси у Господа прощения за этот обряд. Объясни Боженьке, почему ты это сделала. И завтра же пойди днем в церковь, поставь свечку и скажи...

И снова попроси прощения у Бога за эти слова. Ты его возвращаешь ради деток, а их много. Они не виноваты в том, что у него в башке мякина вместо мозгов.

И я тоже пойду просить Бога о прощении, что я тебя научила. Я это никогда не использовала. С мужем мы всю жизнь живем дружно, он меня жалеет и никогда не обидел ни единым словом.

А твой вернется, и недели не пройдет! Держись, дочка!

Васильевна ушла, а Ульяна сидела в оцепенении до самой темноты. Она никак не могла решиться на совершение этого обряда. Но пока готовила ужин, кормила детей, потом пошла накормила скотину и вот уже наступила полночь. Надо было уже или делать, или не делать обряд. Уля еще раз мысленно повторила все слова обряда, они вроде бы и не несли ни мужу, ни Кате смерти. Обряд был только на возвращение мужа домой, а там Господь все сам решит. Мы все в его власти!

Глава 10. Возвращение блудного мужа

Ровно в полночь Ульяна закрылась в горнице, достала муку, достала угольки из загнетки в русской печи, подготовилась сама и провела обряд в точности до последнего слова. Утром вынесла муку на ветер, и читая слова обряда, особенно выделила слово муку с ударением на втором слоге, а в слове муку – ударение должно быть на первом слоге. А смысл такой, что она просит Бога защитить ее и избавить от страданий. Что отправляя на ветер муку, она посылает мужу сигнал на возвращение и просит Бога избавить ее от муки, которую она испытывает вот уже несколько лет. Тяжко так жить.

Потом все сделала дальше, как научила ее Васильевна, днем доползла до церкви, там провела последний этап обряда и вернулась домой. Она и верила, и не верила. Но понимала, что для своих детей она сделала все, что было в ее силах.

Ребенок толкался в животе так сильно, что она испугалась. Неужели преждевременно роды начнутся. Но все обошлось. Дитя все также не давало ей ни спать, ни сидеть. Казалось, дитя волнуется и тоже не видит покоя. Прошло три дня.

В конце третьего дня ближе к вечеру зазвенел колокольчик. Этот звук она бы узнала из тысячи! Ее муж сам выковал этот колокольчик для их упряжи. Звон его отличался от всех других колокольчиков в их деревне Червово! Неужели муж приехал?!

Ульяна выбежала на крыльцо... Это ей так хотелось применить слово «выбежала», на самом деле она просто выползла.... Опираясь на перила, Ульяна молча смотрела, как выскакивает ее муж из саней, как он сбросил на ходу тулуп и буквально взлетел на крыльцо.... Он подбежал к Ульяне, хотел схватить ее на руки, но увидел, что жена буквально на сносях, резко отдернул руки.

– Это мой ребенок? Или ты кого нашла?

Несмотря на всю трагикомичность ситуации, Ульяна рассмеялась, придерживая живот и ответила мужу:

– А то чей же? Дубравин будет, а скорее Дубравина! Хожу так же, как с Тонечкой!

Андрей с невиданной нежностью обнял жену, осторожно и аккуратно, боясь обидеть ее или сделать больно. Поцеловал ее в пухленькие губки!

– Как же я раньше-то не замечал, что ты у меня такая красивая?!

– А ты чего прилетел как на крыльях?

– Да сам не знаю. Позавчера утром я вскочил как ужаленный среди ночи. Меня как будто кто толкнул с кровати! Я не понял, что случилось. А потом мне как будто кто-то говорит, давай езжай быстренько домой! А то может быть поздно! Я так разволновался, бросил всю работу, только соседям сказал, что если будут меня искать, то я вернулся домой в Червово! Лошадь чуть не загнал! Не останавливался ни на минуту!

Тимофей, лошадь распряги, и укрой ее попоной, чтобы не простудилась. Сенца дай побольше, она сегодня не кормлена. И к ночи воды ей дашь, но не раньше!

Наклонился к Ульяне, еще раз поцеловал ее нежно-нежно, как никогда этого не делал. Это было настолько трогательно, что Уля заплакала. Ведь у них могли бы быть такие отношения всегда! Она не верила мужу. Да и как верить таким внезапным переменам?

– Где ты бросил Катю?

– Нигде не бросил, там она осталась. Не спрашивай больше о ней! У меня единственная жена – это ты!

Ненадолго в семье воцарилось спокойствие, и даже малыш в животике не тревожил ее, спокойно ждал прихода в их семью. Прошел почти месяц.

Наступила пора рожать. Андрей очень волновался, его терзал страх потерять еще одну жену во время родов. Очень уж тяжело ей далась эта беременность. Но слава Богу! Родилась девочка, имя ей дал Тимофей.

– Пусть будет Анной. Красивая будет!

Девочка родилась крупная, голубоглазая! И заулыбалась сразу! Что очень редко случается! Родилась и улыбнулась! Отец в душе усмехнулся:

– Эх, дурак я! Зачем же оставил их одних? Это дочка радуется, что я вернулся! Дай Бог счастья тебе, дочка!

Все в доме были рады установившемуся миру, особенно взрослые сыновья. Ульяна расцвела и похорошела. Наступило лето.

Ульяна сидела на высоком крыльце, радовалась солнцу, держала на руках Анюту, которая высосала уже столько молока, что его хватило бы на троих деток. Она уже заметно подросла, и сейчас спокойно спала на руках матери, мерно посапывая. Румянец во всю щеку! И кудряшки на лбу, выбившиеся из-под беленькой косыночки. Ульяна в то же время не забывала, что перед ее глазами во дворе, на травке играет Тоня. Тоня – это был по виду ребенок, а по уму – ну прямо девочка взрослая. Ум совсем не детский. Задаст такие вопросы, что Ульяна терялась, как ей ответить.

Вот и сейчас она подошла к маме и спросила, а почему не мальчик у тебя, а Анютка? А я видела у тети Кати мальчика.

– Ну вот, ребенок вспомнил о Кате! Век бы ее не было, этой Кати!

Но Тонечка не зря вспомнила тетю Катю.

Вдруг заскрипели ворота, лязгнул металлический засов, калитка открылась и кто-то вошел во двор. Сначала показался огромный живот, закутанный в какое-то тряпье, потом во двор влетела котомка, брошенная на землю внутрь двора, и вслед за этим показалась сама Катя. Она была уставшая, грязная, видно, преодолела путь в 150 километров из города до Червово пешком. Она была на сносях. Живот уже опустился. Каждую минуту могли начаться роды.

– Вот и закончилось мое семейное счастье! – с горечью подумала Ульяна.

Катя с ненавистью оглядела весь двор. Ненависть она и не скрывала. А чего ей было скрывать? Андрей бросил ее беременную и уехал, даже не объяснив ей ничего. Тем более, отказал ей в том, чтобы взять ее с собой, куда бы он ни ехал. С ним она не боялась ничего и никого. Он такой большой, сильный и надежный. Но вот же... бросил ее. А тут, видите ли, сестричка сидит на крыльце, вся раскрасавица, с младенцем, и Тоня тут ходит... Злость кипела и Катя была готова наброситься с кулаками на сестру и вырвать ей все волосы.

Но Ульяна опередила реализацию ее гнусных планов. Она быстро спустилась с крыльца, держа на руках спящую девочку.

– Катя, давай проходи, ты ведь устала с дороги. Сейчас я протоплю баньку, надо тебе помыться.

Да и отдыхай!

Катя так устала, что не в силах была даже поднять свою котомку. Так и пошла в дом, грязная и уставшая.

Вечером вернулся из кузни Андрей. Он совсем не ожидал увидеть свою... тоже жену... Сказать ничего не мог от неожиданности. Он просто опешил. А она подошла к нему и с гневом бросила ему в лицо:

– Мне теперь куда идти? Ты тут радуешься, а я пешком шла из самого Сталинска. Как не родила еще по дороге. Торопилась вернуться к родам сюда, что даже к Васеньке на могилку не успела сходить, не попрощалась с ребенком!

Она готова была бить и царапать обманщика Андрея, которого начала уже считать своей собственностью. Она бы и сделала это, но боялась крутого нрава своего ...наверное, мужа.

Только тут Ульяна опомнилась, что она даже не спросила, а где же Васенька? Ведь Тонюшке уже 4 года, так и Васе должно быть столько же...

– Катя, что же случилось с Васей?

– Малярия. Вот что. Я и сама болела, но я выжила, а он нет. Я заболела, когда Андрей уже оставил меня и вернулся домой. Я была беременна, теперь не знаю, какой ребенок родится. Как еще выносила, не знаю сама. Откуда силы взялись...

Андрей опустил голову. Виноват, что говорить... Нет ему прощения. Запутался он среди двух сестер. Вроде как они – одно целое. Одна дополняет другую. Уля – сама доброта, спокойная, умная. А Катя – это как огонь, и любит, и царапает, с ней не соскучишься....

Андрей махнул рукой и безнадежно промолвил:

– Да ну вас! Разбирайтесь сами, устал я от всего! Пошел я спать!

Катя как-то обмякла, заплакала. Слезы катились у нее по лицу, она их и не пыталась вытереть. Жалко было смотреть. Уля в душе понимала, что тут не Катя виновата, по сути она, как и Ульяна, моложе Андрея почти на 20 лет. Так чего же теперь уничтожать сестру. Она тоже хотела счастья. И сама Ульяна хочет быть счастливой. Но как справиться им в этой непростой ситуации?

Катя, размазывая по лицу слезы, тихо сказала:

– Уля, ты меня прости, я так виновата перед тобой. Я только там, в городе, это поняла. Когда он меня там бросил и вернулся к тебе, я поняла, как ты себя чувствовала одна... Не буду я никогда больше с ним связываться, не буду, никогда! Поверь мне!

Обе они расплакались горько, у обеих были такие потери в жизни, что нечем восполнить их. Только любовь поможет им пережить все горе. Так они порешили. Что Настя родит ребенка и будет пытаться выйти замуж и жить достойно. Никогда она больше не будет мешать семейному счастью своей сестры.

Ульяна ничего не сказала мужу. Но, кажется, он и так понял расстановку сил в семье. Есть жена и есть сестра его жены. И всё.

Через несколько дней Катя почувствовала схватки. Быстро позвали повитуху, и вполне благополучно появилась на свет девочка, тоже очень сильно похожая на Анюту. Разница в их возрасте составляла всего два месяца. Назвали девочку Настенькой.

Андрей частенько подходил к девчонкам, Анютке и Настеньке, они улыбались ему, сердце его таяло, он любил их одинаково.

Промчалось лето. Все было как и всегда. Работы – непочатый край.

Видя, как округлилась Катя, как она похорошела после родов, Андрей в душе возжелал восстановить свои отношения, и пытался было предложить ей встречу на их обычном месте – в бане... А получил такой отказ, что больше никогда не пытался соблазнять сестру своей жены. Катя бросилась на него и пыталась выцарапать ему глаза, Андрей кое-как спасся бегством...

Глава 11. Катя меняет судьбу

Прошло полгода. В доме кузнеца была добрая семейная обстановка. Женщины много шутили, много готовили всяких пирогов, пельмени лепили всей семьей. Лепили их по тысяче штук. Зимой пельмени стояли в кладовой по несколько мешков.

Добро побеждает зло.

Раза два-три в год Андрей Фортунатович брал с собой на базар Ульяну, и они делали большие закупки. Например, три куса сукна, пять кусков ситца, обувь на всех членов семьи, бочонок меда, и многое другое. Все закупали оптом. А зимой женщины обшивали всех членов семьи. Каждому – по несколько обновок. Да и Маша с ними уже шила не хуже взрослых. Она уж так любила одевать малышей, а их было в семье трое. Три младшие ее сестренки: Тонечка, Анюта и Настюша.

Был конец зимы, март. Дороги еще не распустились, проехать можно было еще на санях. Ульяна замешивала квашню, хлеб они пекли сами. А Катя возилась с детишками. Они облепили ее, все три девчонки ползали по ней, детям нравилось играть, было весело. Уля работала и смотрела на своих родных, как стало хорошо и спокойно дома!

Вдруг Ульяна услышала во дворе шум. Выглянув во двор, она увидела, как во двор въехала лошадка, запряженная в сани. В санях сидел мужчина. Степенно вылез из саней, отряхнул снежок с полушубка, и тогда только поднял голову, глянул на высокое крыльцо, на котором стояла хозяйка дома. Мягким спокойным голосом он произнес:

– Здравствуй, хозяйюшка! А дома ли Андрей Фортунатович?

Ульяна хорошо рассмотрела мужчину. Он был не молод, но и не старик еще. Добрый взгляд, спокойная манера разговора...

– Нет, он в кузне.

– Можешь ты послать кого-нибудь из детей за хозяином?

Мужчина как будто и был спокоен, но Ульяна почувствовала его внутренне волнение. Она не знала, с какой целью прибыл незнакомец и для чего ему нужен хозяин. Но что-то внутри подсказывало ей, что ничего плохого не произойдет.

– Входите в дом, а я сына пошлю за мужем в кузню.

Гостеприимством и доброжелательным характером сибиряки славились во все времена. Ульяна предложила мужчине распрячь лошадку, поставить ее в конюшню и дать ей овса и сена. Незнакомец улыбнулся такой доброй улыбкой... Соломенные его усы удивительно подходили ему и делали его лицо совсем добродушным.

Пока мужчина распрягал коня, уже пришел домой Андрей Фортунатович, за ним шел Гаврил. Он уже догнал бату ростом, стал такой же высокий и красивый, как его отец.

Кузнец не знал цели визита незнакомца, но он и не волновался. Он привык иметь дело с незнакомыми людьми, потому как заказы поступали и на изготовление валенок, и на кузнечные работы. Он просто вежливо пригласил незнакомца войти в дом.

Строго произнес:

– Женщины, быстро в горницу. Детей заберите, чтобы не бегали тут!

Мужчины сели за стол. Хозяин вопросительно посмотрел на гостя, как бы говоря:

– Ну, говори! Я слушаю!

Незнакомец собрался с духом. Он явно волновался, но не подавал вида.

– Меня зовут Степан Васильевич Пономарев. Я живу в Лосихе.

Остался вдовцом вот как год назад. Слышал я от добрых людей, что в твоём доме живет женщина. Сестра твоей жены. Говорят, добрая и хозяйственная. Приехал просить ее руки. Хочу жениться! Хозяйка в доме нужна.

Кузнец нахмурился. Он понимал, что когда-то все равно надо Катю выдавать замуж. Но ребенок, девочка Настенька, она же его кровиночка. А вдруг этот мужик будет обижать его дочку?

Это было невыносимо осознавать.

Женщины понимали, что в кухне происходит очень важный разговор и пытались подслушать, но никак не могли уговорить детей. Тогда пошла одна Ульяна, и наконец поняла, о чем идет разговор.

Кузнец нахмурил брови, смотрел на Степана Васильевича грозно и как-то заносчиво.

– А ты слышал, что я с Катей жил несколько лет?

– Слышал, Андрей Фортунатович!

– А ты слышал, что она от меня прижила двух детей. Один мальчик вот недавно умер. И вот еще девочка есть, года ей еще не исполнилось.

– Знаю, Андрей Фортунатович!

– Обещаешь ты мне, что никогда Катерине не напомнишь об ее прошлом, и не обидишь ее дочку?

– Ты мне, Андрей Фортунатович, можешь ничего этого не рассказывать. Это было до меня. Теперь, когда у нее буду я, ты никакого отношения к нам иметь не будешь. И она будет моей женой. Никакой клятвы я давать не буду. Я ее еще не видел, но уже знаю, что любить ее буду и не причиню ей никакого горя. И в обиду никому на дам! Ты это знай!

– Понял!

Кузнецу стало как-то не по себе. Вежливый этот Степан Васильевич, а унизил хозяина дома как только мог. А по сути, прав мужик! Во всем прав! Сколько я Кате, да и Ульяне горя причинил! Эх, и сволочь же я!

Мужчины минут десять, наверное, не меньше, просто сидели молча и как два петуха смотрели друг на друга, как бы говоря: будем мирно решать дело или драться? Потом кузнец вздохнул и как бы выдохнул. Больше ему ничего не оставалось делать, как позвать жену:

– Ульяна Ивановна!

Ульяна важно вышагнула из горницы и предстала перед мужем.

– Позови Катерину Ивановну!

Тут уже Катя поняла, в чем дело. Этот незнакомец с добрым приятным голосом – вдовец и приехать свататься, он хочет взять ее в жены.

Ситуация вроде как входила в нормальное русло. Скандала как будто избежали.

– Катерина Ивановна! Вот к нам приехал Степан Васильевич Пономарев. Он хочет взять тебя в жены. Мы его, конечно, не знаем. Я проверю, съезжу в Лосиху, посмотрю, как он живет. Поспрашиваю односельчан, что они скажут о нем хорошего. А сама-то ты согласна выйти замуж за него?

Катя стояла ни жива, ни мертва. Она и мечтала о замужестве. Ей не хотелось жить в доме сестры на птичьих правах. Она внимательно смотрела в глаза человеку, которого видела в первый раз в жизни. Что она скажет ему? Казалось, он понял ее немой вопрос, понял ее сомнения...

Он встал, подошел к Кате, сделал перед ней низкий поклон и произнес негромко и ласково:

– Катерина Ивановна, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была счастливой и уверенной в жизни. Я не позволю больше никому обидеть тебя. Никому. Понятно? Правда, у меня есть трое детей от первой жены, но они уже почти выросли. Подростки. Два сына и дочка. И твоя девочка нам не мешает. Я жду твой ответ.

Катя как-то засмушалась. Щеки ее залил румянец. Она так никогда не волновалась. Шанс ей дан для того, чтобы исправить свои ошибки и жить честно и достойно. Мысли вертелись

в голове, их было так много. Они даже не могли выстроиться в нормальный ответ, которого от нее ждал Степан Васильевич.

Она беспомощно оглянулась на Ульяну, ожидая мнение сестры.

Уля прослезилась, она, конечно, желала счастья сестре. Ведь не с ней ли вместе Уля пережила так много горя, начиная с самого детства и буквально до возвращения Кати домой вот сейчас, полгода назад. Говорить Ульяна ничего не хотела, она просто кивнула, подошла к Кате, обняла ее и прижалась к ней.

– Ульяна Ивановна! Приготовь Катерине приданое: две овечки с приплодом, телку стельную. Пять пар новых пимов, пять мешков пшеницы, поросеночка, и по два куска сукна, ситца и сатина. Не забудь! Ну и давайте на стол угощение! Договор есть, надо за него выпить!

Вот так Катя и вышла замуж. Никогда Степан Васильевич не крикнул на жену, он заменял ее везде, где только мог. Он берег ее пуще всего на свете! А почему бы, собственно, не полюбить ему Катю?! Ведь все три сестры были и вправду красивыми девушками. А какие деловые, умелые и золотые ручки у них были, у всех троих! Спасибо их тете Валентине, заменившей им мать, она научила всему, что нужно было уметь женщине, имеющей семью и детей.

По воле судьбы попала Катя в Лосиху. И стала она вместо Тюриной – Пономарева. Началась ее семейная жизнь, теперь уже действительно семейная, а не побег за призраком семьи...

Глава 12. Все-таки есть в жизни счастье...

Наконец, Ульяна почувствовала себя настоящей хозяйкой и женой. Ушли в прошлое ее страдания и разлад, внесенный в их семью присутствием Кати. Все прошедшие события, конечно, не исчезли из памяти Ульяны, она все помнила. Но душа ее была настолько чиста, и доброта в ее характере неистребима, поэтому она простила и Катю, и своего мужа.

Надо признать, и он только сейчас по-настоящему понял, какая женщина его жена: мудрая, хотя и молодая, хозяйка отличная, и быстрая на все дела. Не успеет он оглянуться, на стол подано, и банька натоплена, успела с детьми уже и веников березовых заготовить. В доме все чисто. Дети растут.

Вроде бы пришла пора Тимку женить. А он не хочет! Говорит, не выбрал еще, батя, я свою невесту! Не торопи!

А на самом деле, не мог Тимофей уйти из дома. Каким он будет чувствовать себя одиноким без Ульяны! Никогда Ульяна не соблазняла его. Он любил ее чистой любовью и всегда удивлялся, как же отец не видит красоты Ульяны и почему столько лет вел себя бессовестно и нагло по отношению к жене. Хорошо, что Катя теперь убралась из их дома, Ульяна расправила плечи, и похорошела и расцвела женской красотой! Она была веселая, часто шутила. И все у нее спорилось в руках: и шьет, и вяжет, и готовит вкусно! И дети чистенькие и здоровенькие!

– Да... Господь меня не услышал! Я так просил его послать мне такую жену, как Уля. А лучше бы именно ее, и никакую другую жену мне не надо! – так размышлял Тимофей, занимаясь повседневной работой. Он уже освоил профессию кузнеца и мог бы работать самостоятельно, но.. не мог решиться на уход из родного дома. Причина нам понятна.

Однако отец сам предложил Тимофею начинать уже самостоятельную жизнь.

– Поезжай-ка ты, сынок, в Сталинск! Там работы кузнецам теперь хватает! Стройка идет большая. Там и цеха строят, и железную дорогу к ним подводят. Женишься там! – так ему не раз говорил батя.

И Тимофей решил начать новую жизнь в городе. Перед отъездом он нашел возможность сказать Ульяне несколько слов. Еще раз он подтвердил свою готовность быть с ней, быть ей верным. Но не будет никогда мешать Ульяне. И в дальнейшем будет готов помочь Ульяне чем только сможет.

Уехал Тимофей. Подрастает Гаврил. Научился профессионально катать валенки. Пимокат – так называлась в сибирских деревнях его профессия. Дело это тонкое, трудное. Вредное для здоровья. Обычно пимы изготавливают в бане. С применением кислоты, которой обрабатывают овечью шерсть, все делается вручную. Дышать в жарко натопленной бане парами кислоты, при этом работать с шерстью. Вредно и тяжело физически...

Вырос парень за последние годы, стал как отец – красивый, широкоплечий, румяный. Надо сказать, вся порода Дубравиных отличалась замечательным цветом лица. Возможно, сибирский здоровый климат поддерживал так сибиряков в красивой форме и давал им здоровье!

Ну, вот и засобирался Гаврил вслед за Тимофеем в город.

Маше тоже захотелось жить в городе. Мечта ее стать модельером, создавать красивую одежду могла осуществиться только в городе. Не стали родители удерживать дочку. Волноваться за нее не стоило: два брата-богатыря, она рядом с ними могла чувствовать себя под надежной защитой. Поступила Мария на учебу.

Жаловаться Ульяне было не на что! И муж любил ее, и детки подрастали, И дом – полная чаша!

Опустел дом без взрослых детей, зато маленьких добавилось! Шел уже 1928 год. В том году Ульяна родила сыночка Сашеньку. Она была несказанно рада. Две девочки и сынок! Чего еще желать счастливой женщине?

Андрей также работал в кузне. Все бы хорошо, да стало сердечко побаливать. Видно, всю жизнь тяжелый труд у наковальни, всегда работа кузнеца связана с огнем и с тяжелым молотом. Вот и появились проблемы со здоровьем...

В начале лета у кузнеца всегда работы хоть отбавляй. Каждому мужику надо подковать лошадку, наступает полевой сезон. А в колхозе тоже лошадей немало, каждой нужно поставить подковы. А сколько приходится ремонтировать мужикам сельскохозяйственный инвентарь!... Приходил домой кузнец поздно, уставал и явно чувствовал себя неважно. Но никогда не жаловался, молча терпел сердечную боль.

И вот в день рождения Тонечки Ульяна приготовила праздничный ужин, ждала мужа домой пораньше. Но наступил вечер, она уже управилась со всеми делами, накормила скотину и подоила коровку, а мужа все не было... Посылать теперь за ним некого, все взрослые дети живут в Сталинске...

Сердце Ульяны подсказывало, что надо бежать как можно быстрее, муж в ней нуждается. С ним могло случиться самое страшное... Завернула в одеяльце Сашеньку и побежала в кузню. Дверь была открыта. Но спасать было уже некого...

Так осталась Ульяна в 29 лет вдовой с тремя маленькими детками на руках. Недолгим оказалось ее семейное счастье: всего несколько лет.

Как ни печально было Тимофею хоронить отца, однако он все-таки не терял надежду жениться на Ульяне. Но она отвергла его решительно и навсегда. Приказала даже не говорить об этом, и не думать! Пусть женится на молодой девушке в городе!

Глава 13. Катя в Лосихе

А Катя тем временем окунулась в новую для нее семейную жизнь.

Привез ее Степан Васильевич ранней весной в дом, где уже на крыльце их встречала его семья: два сына и дочка. Сыновья – Афанасий и Максим, и дочка Августа.

Как могла себя чувствовать Катя, если своего мужа видела в момент предложения ей руки, а второй – когда он приехал за ней, чтобы увезти ее в Лосиху. Между этими событиями был срок – одна неделя.

Катина малышка Настенька была еще так мала, что ей было все равно, кто ее окружает, лишь бы была ее мама с ней рядом!

Степан Васильевич, когда услышал от своих родственников, что в Червово у кузнеца в доме живет молодая женщина, и в подробностях описали ее нелегкую судьбу, у него отчего-то екнуло сердце. Как будто кто-то с небес ему продиктовал, что именно эта женщина может дать ему счастье.

Его первая жена была умницей, красивая, серьезная. Подрастали дети, но... скоротечная чахотка забрала его Ксению, ей не было и сорока, когда она умерла. А ему недавно исполнилось 42 года.

Вот теперь, к несчастью, и старший сынок Афанасий тоже слабые легкие имеет, как бы не приключилась и у него чахотка.

Как он волновался, когда собирался ехать просить руку Катерины! Он представлял, как она может выглядеть. Волновался еще и потому, что она была на два десятка лет моложе его.

Когда он вошел в дом Дубравиных, в тот момент его Катя играла на полу с детишками. Они барахтались на домотканых ковриках, и это было забавно! Катя сама как девчонка еще, раз так ей хочется играть с детьми. Значит, и на душе у нее нет горя.

А какова хозяйка дома Ульяна Ивановна! Видно сразу, что умница и добрая женщина. Ну, а Катя – та покорила его сердце сразу и навсегда.

И вот привез он молодую жену в свой дом. Как водится, сбежалась вся округа. Бабы молча выстроились во дворе. Снег уже почти растаял, бабенки стояли в промокших обутках. Кто-то был в валенках с калошами, кто в кирзовых сапогах! У всех уже мокрые ноги, но никто не уходил... Все хотели увидеть новую соседку. Да и слушок уже расползся, что эта красавица уже почти разбила семью своей родной сестры и нарожали они детей почти одновременно от одного и того же мужика. Да, этот кузнец – мужик не промах!

Чувство любопытства зашкаливало. Бабенки стояли как вкопанные и в упор рассматривали новую жену Степана Васильевича.

Обстановка не располагала к веселью. Катя с девочкой на руках поднималась на крыльцо. Бабы приготовились задать ей несколько вопросов, которые бы прояснили, надо ли каждой из них лучше стеречь своих мужиков, чтобы избежать повторения истории в Червово...

Но в этот момент из толпы вдруг выдвинулась долговязая женщина, на которой телогрейка болталась так, что можно было предположить, что под телогрейкой есть только скелет, есть позвоночник – но без мышц. Худая, глаза черные, большие, нос туфелькой, волосы растрепались. Видно, она спешила, бежала, чтобы успеть и помочь новой односельчанке избежать ссоры с бабами. Она-то знала их «кроткий» нрав! Любая из них готова была хоть кому глаза выцарапать за своего милого. Черные волосенки выбились из-под пуховой шали. Даже ее возбужденное состояние не придало хотя бы капельку румянца на щеках. Лицо ее землисто-серого цвета. Да вдобавок изрытое оспинами... Но... Дарья – баба не простая. Она – жена председателя сельсовета, а это большая и важная персона в деревне!!

– А ну-ка бабы, все по домам! Дома работа ждет! Тут концерта не будет! Клоуны не приехали! Эка невидаль, баба в соседях новая появилась! У колодца познакомитесь. В церковь вместе пойдем. А пока что – брысь по домам!

– Чего ты, Дарьюшка, встречаешь! Ты вот смелая и не боишься за своего председателя! А нам интересно узнать, какова эта разлучница!

Катя этого ничего не слышала, хотя сердцем понимала, что ничего хорошего на улице не происходит...

Степан Васильевич занес Катины пожитки, снял с нее полушубок, взял из рук Кати спящую дочку и положил девочку на кровать, потом только вышел на улицу.

Он считался в Лосихе дипломатом, к нему бегали бабы как к третейскому судье. И теперь он знал, как навести порядок среди женщин.

– Бабоньки! Поздравьте меня! Я женился! Мою жену зовут Катерина Ивановна!

Так и прошу вас всех ее величать! Женщина она порядочная, умная! Будет достойной женой мне и матерью моим детям, а я принимаю ее дочку и вырашу как свою.

Летом, в лугах, на сенокосе познакомлю вас с ней поближе. Да и у колодца ее увидите.

Жена моя для меня как солнышко в небе, поэтому не заставляйте это солнце прятать лучи. Пусть греет меня и мою семью!

И вам всем желаю радости, и пусть в ваших семьях этой радости будет как можно больше!

С проблемами по прежнему жду каждую из вас! Но лучше пусть не будет проблем! Будем встречаться просто так, по радостным поводам!

Его глаза блестели, он был счастлив. Бабам стало как-то не по себе! Чего они накинулись на бабенку.

– Ты прости нас, Степан! Мы пойдем! Пусть будет вам счастье!

Женщины тихо разошлись, головы у некоторых были опущены. Не одна из них могла в это время вспомнить свои жизненные коллизии, кто у кого отнимал мужиков, и все тайные чувства, к ним ведь никто в душу не лезет. А они скопом накинулись на бабенку! Ну, а Степан молодец! Защитил ее! Такого мужика бы да каждой из нас! Никто бы не отказался!

Одна только Дарья не к себе домой пошла, а жила она через пару домов в сторону речки. А вошла в дом Степана. Она хотела лично познакомиться с соседкой!

– Будем знакомы. Меня Дарьей кличут. А ты, как я слышала, Катерина Ивановна?

– Да!

– Я тут рядом живу! Мой хозяин – председатель нашего сельсовета. Если что, приходи, по-соседски дружно жить надо! Мы ведь когда дом строим, сначала соседей выбрать должны. Они с нами всю жизнь рядом будут. Надобно жить дружно и по-соседски быть как родными. Согласна?

– Согласна!

Дарья подошла, обняла Катю, женщины улыбнулись друг другу и пообещали быть как родными. Потому что ни у одной, ни у другой не было родных в Лосихе.

Прошло больше двух лет. Как приказал бабенкам Степан Васильевич обращаться к своей жене не иначе как Катерина Ивановна, так бабы и исполняли. Вскоре ни у кого из них не осталось никаких опасений. Все поняли, что женщина не легкомысленная, преданная жена, а в доме и в огороде у нее полный порядок. Признали Катерину Ивановну своей.

В семье недавно родился мальчик Василий, и снова Катя была на сносях. Осенью родилась девочка – Машенька. Пару раз Катя с мужем Степаном Васильевичем навещали семью Ули в Червово. Там и расстояние-то было с десятков верст. Но виделись два раза за последние несколько лет. Кузнец вел себя вполне прилично, никак не задевал самолюбие Кати, а Катя тем более старалась быть примерной женой. Так что, к общему удовольствию, все радовались встречам.

Только недавно семейство Степана Васильевича всем составом вышло в огород и занялись посадкой картошки, как вдруг прибежал посыльный из сельского Совета и передал трагическую весть: умер Андрей Фортунатович, муж катиной сестры. Горе, горюшко! Как в деревне остаться без кормильца! Да еще с тремя малышами на руках.

Сразу запрягли телегу и поехали помогать Ульяне с похоронами.

После поминок сели втроем за столом, две сестры и Степан Васильевич!

Уля едва держалась на ногах. Ее и с малышами-то заменить было некому. Слава Богу, Васильевна отозвалась, с радостью согласилась помогать Ульяне. Она осталась совсем одна-одинешенька. Муж умер, сын ее утонул, так уж случилось. Так Васильевна практически и жила у Ульяны. Все трое детей кузнеца приехали по телеграмме, Ульяна их ждала. После поминок уехали, каждый из них уже работал, надо было возвращаться в город.

Долго сидели и молчали. Горела поминальная свечка, лежал кусочек чёрного хлеба на граненой стопке, наполненной самогоном. Неожиданно ушел Фортунатыч, рано еще, не нарадовался жизни. Все молчали, скорбь сквозила в каждом движении родных людей, сидевших в этот час в доме умершего.

После долгого молчания тихо заговорил Степан Васильевич.

– Ульяна Ивановна, думаю, не следует тебе тут одной оставаться! Давай продадим твою усадьбу и перевезем мы тебя в Лосиху. Катя! Вспомни, у нас напротив нашего дома есть дом пустой. Он принадлежит колхозу. Там у нас жил кулак по фамилии Терентьев Игнат Савельич, так его раскулачили и выслали из деревни куда – то в Архангельск. Не знаю даже, где этот Архангельск, но наверное, гнилое место. Да, и какой он был кулак. Три лошадки всего и было у него. Просто повезло ему, что лошадка у него родила двоих жеребят. Те выросли, и вскоре стало три лошадки во дворе. Ну, за это и раскулачили. А там пятеро детей было. Вот дом и стоит пустой уже несколько лет. Невеселый дом.

Ульяна заплакала. Она только представила, что надо все отдать кому-то в чужие руки. И на их крыльце будет стоять другая хозяйка...

– Не знаю, Степан Васильевич! Я сейчас ничего не понимаю. Если ты думаешь, что так надо, значит поеду.

– Давай так и сделаем! В Лосихе хоть мы тебе поможем, а тут с тобой только одна Васильевна! Да надо и Васильевну с собой забрать, чего ей тут одной горе мыкать.

Тут уже и Васильевна расплакалась, они с Ульяной не просто расплакались, а разрыдались.

На том и порешили, что Ульяну с детьми и с Васильевной поселят в дом, оставшийся после высланного кулака, перевезут ее коровку и свиней.

Глава 14. Неисповедимы пути Господни...

Переехала со всем своим скарбом Ульяна в Лосиху. Она прежде здесь никогда не бывала.

Деревня оказалась большой, дворов было больше четырех сотен. Улица без названия, считавшаяся главной, тянулась извилистой лентой вдоль всей деревни. Ну, какие-то микрорайоны там тоже были. Например, Куликовка, Бедарёвка, Отножка. Старики – то говорили, что Лосихе на тот момент было уже больше двухсот лет. И в этих околотках, например, в Куликовке стояла большая усадьба мужика по фамилии Куликов. Там и до сих пор еще жили несколько семей с такой фамилией. Так далеко разрослись ветви генеалогического дерева, что Куликовы уже и не считали себя родственниками, а просто однофамильцами, не сохранили они историю своего рода Куликовых, а название живет и сейчас, в двадцать первом веке. Та же история и с другими микрорайонами. В Бедарёвке жили Бедаревы. В Отножке – Отножкины.

А Ульяна поселилась в доме, который стоял ровно напротив дома ее сестры Кати. Рядом, через два дома, протекал ручей, который назывался Мартыновым ручьем. Оказывается, там жил хозяин по имени Мартын, про которого в деревне пели юмористическую частушку, как Мартын повесил кое-что на тын (тын – это забор из ивовых веток), девки думали – малина, оборвали половину..

Сибиряки – народ острый на словцо. Быстро частушку сочинят!

Да, сибиряки остроумный народ! Названия сел придумывали люди явно не лишённые чувства юмора. То тебе Косиха, а то Лосиха, Краснощеково, Повалиха... И вот частушку по этому поводу сами же сочинили:

Повалиха не деревня, и Косиха – не село,
Повалиху повалило, а Косиху повело... Эх!

Домик был небольшой, как и у всех в деревне. Состоял из разгороженных двух половин. Там, где был вход в дом, эта часть считалась избой, то есть как бы кухней, потому что там стояла всегда русская печь, большой стол, лежанка у печи и, конечно же, полати... Полати – это классное место для детей! С печки на полати! Сибирская поговорка!

А вторая половина – это собственно спальня. Так называемая «горница».

Там могло стоять и две, и три железных кровати. Кто не уместился на полатах и на русской печке, могли спать на полу в горнице. Кругом было тепло, деревянные дома хорошо сохраняют тепло от русской печи.

Единственное, чем этот дом отличался от всех других – это роспись на потолке. Стены побелены известью, а потолок только мыли. Ему известь не нужна была. Сам цвет потолка был нежно салатный. Роспись – дивные цветы, огурцами, такого турецкого характера... Нарисовал этот потолок бывшему хозяину заезжий художник за мешок картошки. Во всей деревне такого дивного потолка не было ни у кого, поэтому многие приходили полюбоваться росписью. Этот же художник и церковь расписывал в Лосихе. Рисовал лики святых.

Катя помогала, чем могла. Поделилась всем, что было необходимо в хозяйстве и что невозможно было привезти из Червова.

Ульяна обратила внимание, что Катя как-то мнется, видно, что-то хочет сказать и не решается.

– Катя, ну говори же, что случилось?

– Улюшка, да ничего как раз и не случилось. – Катя помолчала, никак не решаясь произнести фразу, видимо очень важную для нее.

– Ну... говори!

– Обещай мне, сестра, что ты не повторишь моих ошибок.

– О каких ошибках ты говоришь, Катя?!

– Что ты не будешь соперничать со мной в моей семье, как я делала в твоей. Я об этом очень сожалею. Теперь боюсь, что ты мне можешь теперь показать, как тебе было больно. На примере, так сказать, покажешь.

– Смешная ты у меня! Конечно, не буду! Я тебя давно простила и мешать тебе не буду никогда!

– Улюшка, прости меня, дурочку! Хорошо, что у меня есть ты. Спасибо тебе за поддержку и доброту твою!

Подрастали детишки. Вот уже Тонюшке исполнилось почти четырнадцать лет. Она закончила седьмой класс. А он и был последний. Больше не учились дети. Шли работать, кто куда. Из колхоза молодежь не отпускали, по достижении шестнадцати лет молодежи паспорта оформляли, девушки и парни расписывались в получении паспорта, но свой собственный паспорт, удостоверяющий их личность, в руки не получали. Паспорта лежали в сельском Совете у председателя, в сейфе. А иначе ведь разбегутся. Каждый поскачет в город. На заводе – то отработал смену и заслужил отдых дома. А в деревне работы столько, что хоть спать не ложись... Поэтому деревенские люди и изнашивались быстрее. Вот хотя бы муж Ульяны – кузнец Андрей. Ушел совсем молодым. Сердечко остановилось. А сейчас как бы он порадовался на деток, все на него похожи! Красивые, румяные! Умные!

Глава 15. Вдовья доля...

Ульяна так и не уснула в эту ночь. Воспоминания оказались сильнее сна. И так бывало часто. Вот уже и рассвет начинается. Надо собираться на работу.

Детишки еще спят. Хоть и трудно ей одной воспитывать малышей, но присутствия духа и чувство юмора Ульяна не теряла никогда. Особенно она радовалась тому, что дано от рождения ей быть оптимисткой. В отличие от многих женщин, у которых судьба была, может быть, и легче, но они всегда были в плохом настроении.

Ульяна же радовалась каждой мелочи. Потому что если не радоваться, то как тогда жить?

Первое, что ее особенно радовало, так это то, что у ее детей есть мать. И что мать еще молодая, здоровая и работоспособная. А потом доставляло радость здоровье детей. Все трое здоровенькие, активные, умненькие. Дочки вон как уже помогают! Ну да, тяжело работает Ульяна. Так никто легче не живет. Всем так трудно приходится жить. Зато нет голода. Есть корова, значит при ней можно прокормить не только большую семью, но и поросеночку еще останется сыворотка и простокваша. А еще, радовалась тому, что у ее детей была всегда рядом Васильевна, ставшая Ульяне родной, прямо как мать.

Никто в деревне никому не завидовал. А просто завидовать было нечему. Все жили дружно. Помогали друг другу. Вон и детей из дома в дом таскали, оставляли с другими, чуть постарше по возрасту. Все понимали, что при наличии взаимопомощи жизнь кажется не такой уж безысходной.

– Ну-ка, Улечка, давай пойдем коровку подоим. Время не ждет! Воспоминаниями, да еще невеселыми, сыт не будешь! Да и корову в стадо надо проводить... – так разговаривала Ульяна сама с собой. Отдыхать некогда. А во время физической работы как раз и думать можно. Вот тогда и вспоминай!...

Корова подоена, с телятком ее отправила в стадо. Растопила во дворе таганок (так называемая мини-печь), напекла деткам оладиков на простокваше, парного молочка поставила на стол в глиняном кувшинчике и бегом побежала на свою основную работу.

По дороге на ферму ее догнала Дарьюшка. Они жили напротив друг друга. Дарья была такая добрая и смешливая. И даже то, что была некрасивой, нисколько не портило ее. Доброта душевная нормальными людьми ценится прежде красоты лица.

Дарьюшка была высокая, худая, все платья болтались на ней, не показывая женские выпуклости. На ее лице выделялись только большие черные глаза. Обрамленные густыми ресницами, они смотрели всегда внимательно. В то же время никогда в них не исчезала искорка смеха. Она всегда была готова поддержать шутку! Поэтому глаза и казались чужими на ее продолговатом лице, в детстве она перенесла оспу, поэтому кожа на лице осталась изрытая оспинами, и имела землистый цвет. Не дал Господь Дарьюшке румяных щек. Не дал красоты вообще. Но зато дал большое сердце, и она могла каждого человека поддержать добрым словом, помочь она всегда была готова.

Шутки никогда не исчезали из ее речи. Она говорила при этом:

– Пошутишь, легче жить! Все тогда кажется не страшным...

В любви она оказалась удачливее многих своих односельчанок. Прислали к ним в Лосиху председателем сельского Совета мужчину. Серьезным оказался председатель! Прибыл без семьи. Смуглый, черноглазый. В деревне никогда ничего не остается долго тайным. Кто-то дознался, что председатель – вдовец. Пережил большую трагедию. В революционные боевые годы он потерял жену и дочку. Ему уже за сорок, но он так и живет один.

Для народа так и осталось тайной, каким же ключиком Дарья открыла сердце их серьезного председателя. Наверное, теплом своей души согрела мужчину, который много лет тос-

ковал в одиночестве... Тем не менее Дарьюшка вот уже пять лет является его официальной женой, и в их доме снова звучал детский смех, по которому так истосковался председатель.

Даша догнала Ульяну, глаза ее блестели, она и смеялась, и плакала. Непонятно, чего там было больше, смеха или смеха сквозь слезы!...

– Улюшка, давай рассмешу тебя!

– Ой, Дашка, опять ты что-то учудила?

– Еще как! Вчера вечером получила от мужа по уху!

– За что, ты же ничего плохого не сделала?!

– Не делала до вчерашнего дня! Мой-то в последние две недели дважды ездил в район, так в том и проблема, что с собой каждый раз брал Верку, свою секретаршу сельсоветскую. А она, ты сама знаешь, девка не промах, и живет без мужика. То мой мужик ездил в район на телеге, а тут несколько раз запрягает лошадь в кошевку, сажит Верку рядом с собой и они едут как господа! Смеются обоим! А я стою на крыльце и все вижу.

Спросила своего, а он говорит, Верке надо было отчет сдавать, а сам он в райком партии ездил.

Вечером позавчера он мне сказал, чтобы я ему подготовила парадный костюм. Я его костюм и рубаху валиком отгладила, все наготовила. А сама в душе прямо вся исстрадалась.

И раненько утром, как коровку-то в стадо проводила, пошла в огород, нашла самый большой лист лопуха, сходила в него, да как следует, кучку наворотила, завернула лопух и в портфель его тихонько положила.

– Дашка, ну как ты могла? Ты хоть думала, когда это все делала?

– Думала, что думала! А оказалось, думать начала, как получила оплеуху вечером от своего мужика.

– Так что там произошло?

– Ну вот, приехал мой председатель-то в райком партии. Опять же Верка с ним была. А вчера его должны были слушать на бюро райкома партии. Ну, я же ему все нагладила, приехал красивый!

Ему слово дали. Он открывает свой портфель, достает доклад, а вместе с докладом на стол лопух с содержимым-то и выпал. Лопух раскрылся, и всё, над чем я так трудилась утром, оказалось перед носом у районного начальства! Ой, что же там было-то!

– Боже мой, что же ты, Дарьюшка, наделала!

– Вот и объявили мужику моему самый строгий выговор, наказали его, и понизили на полгода. Перевели секретарем вместо Верки. Будет полгода на счетах костяшками греметь, цифры считать и бумажки писать, а председателя нового пришлют на все полгода.

Дарья вдруг как расхохоталась, согнулась и поддерживая свой впалый живот двумя руками, не могла остановиться. А Ульяна смеялась с Дашей вместе. Она не поняла, что еще могло так рассмешить подругу, но картина веселья ее была настолько комичной, что и Ульяна не могла сдержать смех.

Юмористка Даша немного успокоилась и сказала:

– По уху я, конечно, получила. Но зато теперь есть несколько причин порадоваться. Во-первых, мой теперь в район не будет полгода ездить, а то совсем барином себя почувствовал.

Во-вторых, Верка к нам придет на ферму коров доить, потому что больше ей идти некуда, другой работы нет. А в-третьих, Уля, к нам придет новый председатель. Кого женатого пришлют на полгода, как он семью бросит. Значит придет снова одинокий мужик. Вот мы и тебя тогда замуж выдадим!

Дарьюшка снова рассмеялась, восхищаясь своими мудрыми выводами!

Но смеяться она начала рано. Все сложилось с точностью до наоборот.

Верку повысили в должности. Перевели ее на должность председателя сельского Совета. Доверили ей печать и штамп. Верка совсем заважничала. Теперь она в район ездила только

на кошевке. Мало того, так еще и кучера на работу взяла, самого красивого мужика в деревне, чтобы ее в район возил. Для современников, живущих в двадцать первом веке само слово «кошевка» может ничего не говорить. А в двадцатые годы двадцатого века присутствие в жизни крестьян слова «кошевка» повышало статус человека на несколько порядков. А на материальном плане кошевка выглядела так: На четырех колесах на основании телеги устанавливалась удобная карета, с сиденьем. То ли дело ехать на простой телеге, а совсем другое дело – в кошевке. Это выглядит примерно так, как помещица в гости к соседям едет с визитом, вот так важно теперь в район ездила Верка! Теперь ей и кудри закручивать надо было по-другому! Она должна быть особенно красивой!

Муж Дарьюшки ушел в глубокую депрессию. Хорошо еще хоть не запил горькую!

И последний облом: не появился претендент на роль мужа для Ульяны.

Но зато появился большой плюс. Муж стал чаще бывать дома. Занялся как раз мужскими делами, которые и должны быть мужскими, но до сих пор лежали на Дарье. И как результат гармоничного времяпровождения семьи в домашних условиях женщина вскоре поделилась с Ульяной новостью: она ждет второго ребенка!

Глава 16. Тонечка Дубравина

Тоня имела совсем другие интересы, не связанные с деревней. Девочке всего 10 лет, а она не хотела думать о деревенской жизни. Надо только скорее подрасти, и можно будет уехать в город.

Девочка окончила уже три класса сельской школы. Анята только первый класс освоила. Конечно, учеба в школе – это самое интересное в жизни. Анята вот не очень хочет писать буквы, ей лучше грядку прополоть в огороде, чем написать таблицу умножения. Зато Тоня еще в сентябре прочла все учебники до последней корочки, выучила все наизусть. Ей хотелось найти все больше и больше книг, которые бы она читала день и ночь. Сколько нового и неизвестного есть за пределами ее села Лосихи, дальше околицы которого она не бывала.

Девочка понимала, как трудна жизнь сельских жителей. Ей тоже надо будет копаться на грядках, доить корову и месить грязь на деревенских улицах. Но душа ее рвалась в те неизвестные дали, про которые она читала в книгах. В школьной библиотеке были книги, и она все их уже знала наизусть.

Мама Ульяна сначала не могла понять, почему Тоня уваливает от домашней работы, а с книгами не расстается сутками. Она и ночью при лампе читала книги, пока мать не стала прятать от нее лампу. Зрение потеряет, да и керосин надо экономить!

Потом удача улыбнулась Тоне, и взрослые определили ее нянчить малышкой в доме у соседки Петровны. Там она уже малышам рассказывала то, о чем сама читала в книгах, учила маленьких ребятшек писать буквы. И многие дети в их округе, еще не бывая в школе, уже читали всё, что им попадалось под руку, вплоть до газет.

Прошло четыре года. Сама Ульяна также много работала, девчонки подросли. Саня пошел в первый класс. Анята все также помогала маме во всем, заменяла ее буквально во всех делах.

Девчонки должны были идти в школу одновременно, все занятия проводились в одну смену, а обуви и одежды не хватало обеим. И поскольку Аняте не очень хотелось идти в школу и зубрить потом уроки, то у Тони открывался простор для действий!... Она раньше всех вставала, надевала много раз подшитые валеночки, которые ей уже и тесноваты были, но зато она могла поутру умчаться в школу. Все учебники были прочитаны и известны ей до последней буковки, девочка с волнением следила за речью учительницы, вдруг она скажет что-то новое, то, чего нет в учебнике. Даже ради этого она могла отобрать у младшей сестренки одно на двоих пальтишко и валенки и бегать в школу на другой конец деревни!

Шел 1939 год. Антонина окончила седьмой класс. Ей уже исполнилось 14 лет. Отличница! Одни пятерки! Радоваться могла только мама, отца уже нет в живых. Маме одной трудно. Хорошо, что хоть Анята помощница, практически на ней лежит и дом, и живность.

Тоня придумывала, как же лучше сказать маме о том, что она решила уехать в город. Если она не покинет деревню, то паспорт ей придется получать здесь. Паспорта у молодежи забирали и они хранились в сейфе в сельском Совете. Чтобы молодежь не уезжала в город, а привыкала к селу и тут нужны рабочие руки! Поэтому сейчас, когда ей исполнилось 14 лет, самое время исчезнуть в город.

Девочка уже чувствовала в себе силы и все ее мечты были связаны с учебой. Она не знала, на какие деньги, где и как будет жить, как устроится работать... Ничего не ясно, все это надо будет смотреть там, в городе. А пока... девочка тайком готовила себе мешочек, в который складывала все, что возьмет с собой.

Вечером, дождавшись возвращения матери домой, Антонина приготовилась к разговору. Первые же ее слова вызвали поток слез у мамы. Она не могла представить, что 14-летняя

девочка будет жить вдалеке от дома, в городе. Кто ей поможет там выжить? Она же еще совсем маленькая.

Тоня все это выслушала терпеливо, в душе она жалела маму, но в конце маминой тирады, твердо сказала:

– Мама, поверь, я не пропаду в городе. Я еду учиться. Я мечтаю жить только в двух городах: или в Москве, или в Одессе. И я это сделаю.

В конце концов, со своей котомкой за спиной Антонина ушла пешком на железнодорожную станцию, расстояние до которой от Лосихи было 35 километров. Дальше до Сталинска девушка поедет поездом. Выйдя на гору Пролетарка, которая располагалась на выезде из села, девушка остановилась. Окинула взглядом открывшуюся взгляду панораму, думая, когда она еще увидит свою Лосиху? Достигнет ли своих целей? Еще раз утвердилась в правильном выборе жизненного пути.

Трудностей она не боялась! И с легким сердцем девушка пешком отправилась на железнодорожную станцию.

Город встретил Антонину равнодушно. Каждый горожанин жил своими интересами, все куда-то бежали. Трамваи гремели на рельсах, ходили автобусы. Такого количества людей одновременно на улицах, столько транспорта, высокие дома, такого ей еще не приходилось видеть... Но настроение было отличным.

Слава Богу, она взяла у мамы адрес ее сестры Марьи Ивановны, которая еще в молодости вышла замуж за сталевара Андрея Ивановича и они многие годы уже жили в пригороде Сталинска. А туда оказывается даже трамвайная линия проложена.

Так что ночевала девушка у родственников, которых никогда до сих пор не видела. Встретили ее с доброй душой. Где есть место своим троим детишкам, нашлось и Тонечке, и с ними уже несколько лет жила Серафима, дочка тетки Валентины. Братишка Толик остался у Ульяны, а вот Серафима превратилась в такую красотку. Девочка родилась в деревне, выросла там же. В город привезли ее после смерти родителей в 10-летнем возрасте. А вот выглядела она такой красивой и интеллигентной. Удивительно, но шарм и статусность – как будто пришедшие из глубины поколений, при том, что все предки были крестьяне.

Уважение между супругами было видно постоянно. Никто из детей не осмелился бы оспорить слова мамы Марьи Ивановны. И обращались супруги друг к другу только по имени-отчеству. Да... Многому можно поучиться нам, современным людям у наших предков. Благодарству, порядочности и уважению к женщине!

Сталинск тем и известен, что в городе находится самый крупный металлургический комбинат в Сибири. Огромные трубы доменных печей, огромная территория завода, на котором трудились несколько тысяч человек, произвели на девушку впечатление.

Но теперь только Тоня поняла, что ей невозможно устроиться на работу или на учебу, ведь ей всего 14 лет. Тогда она стала думать, как же ей исправить свидетельство о рождении, чтобы получить паспорт. Ей как-то удалось это сделать. Растерла тряпочкой цифры даты рождения, изрядно помяла сам бланк, объясняя в паспортном столе, что она попала под сильный дождь и не смогла уберечь документы. В итоге она получила паспорт, в котором ей значилось уже 16 лет, и она теперь имела право работать.

На металлургический комбинат устроиться было не трудно. Требовалось много молодых людей, завод расширялся. Вскоре девушка поступила на учебу в училище, в котором готовили работников телефонных станций. Телефонная связь в то время была самым современным средством связи. Передовой участок труда!

Антонина работала днем на заводе, вечером обучалась на мастера телефонных сетей.

Только здесь она почувствовала себя отлично. Столько возможностей, много библиотек, можно развиваться все 24 часа в сутки! Она даже поступила в театральную студию!

Вскоре Антонина познакомилась на работе с женщиной, которая пригласила девушку поселиться у нее, в городе, рядом с металлургическим комбинатом. Зачем ей каждый день возвращаться за город. У хозяйки оказалась дочка Полина – ровесница Тони. Девчонки моментально подружились, и проводили вместе все вечера. Им было о чем поговорить, обе много читали.

И вскоре в театральную студию бегали вместе. Наступил день первой премьеры. Тоня участвовала в спектакле, где ей доверили роль главной героини. Там была страстная любовь, много событий, и, когда счастье было особенно близко, готовилась свадьба, главная героиня погибла в результате аварии на заводе. Полиночка плакала от сострадания к героине. Аплодисменты были бурными. Так Антонина поняла, что при желании она могла бы стать драматической актрисой – так все восхищались ее игрой в спектакле! И она чувствовала себя звездой, кланяясь зрителям под шквал аплодисментов.

Глава 17. Куда может забросить судьба?

Из родной Лосихи к Тонечке приходили редкие письма. Писала Анютка. Ей уже исполнилось шестнадцать лет. Девушка расцвела как бутончик алой розы. Открытые красивые синие глаза, прекрасный цвет лица, румянец – как показатель отличного здоровья!

Не успела девушка расцвести, и к ней пришла первая любовь.

Парень Максим Привалов был из хорошей, крепкой семьи. Работал в колхозе зоотехником. Первые ростки их нежного чувства были такими хрупкими. Их можно было легко разрушить. Девочка была совсем молоденькая. Максим с таким трепетом относился к девочке, он даже за руку-то взять ее боялся, чтобы она не обиделась.

Тем не менее, с родителями он решил поговорить о том, что просит их отправить сватов к Дубравиной Ульяне Ивановне просить руки ее дочери Анны.

Родители чуть с лавки не свалились от неожиданности.

– Кого сватать? Анну? Так она еще девчонка, ей и шестнадцати нет.

– Я буду ждать пока ей исполнится шестнадцать. Пусть будет моей невестой, чтобы никто не отобрал ее у меня.

– А кто собирается у тебя ее отбирать и кому она нужна, такая бесприданница?! Какое за ней приданое мать даст? Мужика в семье нет, даже корову вам на обзаведенье не даст! Не о такой жене для тебя мы мечтаем с отцом, сынок! Забудь об этой нищенке. Да и в Армию тебе скоро надо будет идти. А она, думаешь, ждать тебя будет?!

Максим не смог держать свое горе в себе, поделился с Анютой, что родители не хотят их женить. Отказались благословить их брак.

Конечно, если бы Анюта была учительницей или библиотекаршей, или в сельсовете счетоводом была, а то за телятами ухаживает... Все это девушка понимала и тем обиднее было ей переживать боль разлуки с любимым Максимашкой... Потому что ушел Максим в армию, вскоре началась война, где он погиб в первый же год.

Кто знает, правы были его родители или нет, что погиб парень, не узнав любви, тепла рук своей любимой девушки Анечки... Может, любовь бы защитила его от шальной пули? И родители получили бы сына, и внуков...

Правильно сказано в писании, дай ребенку жизнь и дай свободу выбора. А мы не всегда даем свободу.. Жизнь такая хрупкая штука! Для кого Максиму было беречь свою жизнь? Вот и сгорела его душа в пламени войны...

А в это лето в Лосиху приехали молодые ребята из Украины. И тогда, выходит, были гастарбайтеры! Вот они приехали и построили в колхозе коровник и свинарник. Свои строители в деревне тоже были, но строили почему-то украинцы. Среди них был такой скромный и молчаливый парень – Яков Скрипник. Он давно приметил Анютку, ему нравилось в ней буквально все: летящая походка, высокая грудь, красивая фигурка. Глаза как два синих озера. Он сам-то был смуглый и черноглазый, а беленькая и чистенькая девушка ему так понравилась, что он ни о чем и ни о ком думать не мог.

Его бригада возводила скотный двор. И видел Яков каждый день, как Аня бежала на работу, ухаживала за телятами. Рвала им травку, разговаривала с ними как с детьми... И они за ней ходили как привязанные...

Ее синие глаза не давали Якову покоя. И хотя он не считал себя таким уж романтичным, работая с кирпичами, делая кладку, он сочинял стихи, в которых все слова были посвящены Анюте.

Парень был старше Анюты, и не сказать бы, что он такой несмелый, что слова вымолвить не мог...

Мог, конечно, но девушка была как нераскрытый бутон розы. С ней не всякие слова в разговор можно употребить. В свой обеденный перерыв Яков вместо обеда побежал в поле, нарвал ромашек и васильков, и решил, что надо переходить к действиям. Мечтами он и так наполнен до краев... Он нашел Анютку с телятками на полянке. Телята паслись, девушка плела венки из ромашек.

Яков приблизился к Анютке, она от неожиданности выронила веночек из рук.

– Аня, меня зовут Яша. Ты видела меня тут на строительстве? А я тебя вижу каждый день!

Анютка молчала. Она не знала, о чем говорить с этим совсем уже взрослым парнем.

Яков положил ей на колени букет ромашек и сказал:

– Вот тебе цветы для венка.... Вплетай!

– А васильки, – Яков взял синий цветок и протянул девушке, – как твои глаза: синие и милые...

Два синих озера – твои глаза! В них войти и утонуть приятно!... Но если мне легко войти и утонуть, смогу ли выбраться из них обратно?

Анюта засмеялась, но когда подняла на него глаза, поняла, что парень говорит серьезно. Он смотрел на нее так взволнованно... Яков хотел взять ее за руку, его глаза обжигали, волновали девичье сердце..., но Анютка вскочила и быстро убежала с полянки. Все произошло так быстро, что Яков не успел ей сказать о своих планах.

Даже не объяснившись с девушкой, он пришел тем же вечером к Дубравиным домой. Ульяна от неожиданности выронила ложку.

Она моментально поняла, чего хочет этот парень. Глаза его горели, пламень любви сжигал все препятствия между ним и любимой девушкой Анюткой. Без лишних слов он объяснил, что хочет жениться на Анне. Скоро они заканчивают работу. Деньги он получит неплохие. Их хватит и на свадьбу, и на дорогу им обоим до Одессы.

Мать прямо разгневалась. Как же так! Если она работает сутками, и дома бывает только ночью, так ее малолетняя дочка тут вытворяет непонятно что, вот и жених объявился, а он ее старше лет на двенадцать, как минимум, а то и больше.

– Аня, дочка, выйди-ка сюда!

Анюта вообще ничего подобного не ожидала, она даже и не слышала их разговора.

Яков снова повторил свое предложение. Теперь и у Анюты отпала челюсть.

Мать, увидев такую реакцию, перестала сердиться на дочку. Поняла, что дочка ее ничего не делает за ее спиной, а любовь у этого парня непритворная и решила спросить дочь напрямик:

– Дочка, а ты что думаешь?

– Не знаю, я еще маленькая, в какую Одессу я уеду от тебя, от Сашеньки, от Васильевны?

– Ну вот видишь, Яков, дочь еще не собирается замуж.

Прошло месяца два. Яков не отставал ни на минуту. С работы он бежал домой к Дубравиным и все пытался помочь хоть в чем-нибудь по хозяйству. Ведь в доме не было мужчины. А он хотел показать Ульяне, что хозяином он будет хорошим, что мать может смело отпустить дочку с ним в Одессу.

Ульяна поняла, что дочь согласилась выйти замуж не потому, что она так пылко влюбилась в Якова, а потому, чтобы доказать Приваловым, родителям Максима, что она достойна любви. И ее можно полюбить за ее личные качества, а не за количество приданого, и что бедные девушки могут быть нужны женихам, и что ее Яков любит... Ну, и много еще слов теснилось в голове девчонки, которые она хотела бы сказать родителям Максима.

В конце концов она приняла предложение Якова и осенью уехала с ним в Украину. Его мать жила в Балтском районе, под Одессой. Деревня была небольшая. Мать Якова влюбилась в работающую сноху и считала ее своей дочкой. Одним словом, Анна чувствовала себя как в своей родной семье.

А на дворе шел уже 1939 год. Оставалось совсем немного времени до начала Отечественной войны

Глава 18. Любовь Ульяны – неожиданная и страстная

Наступила осень 1939 года. Красота сибирских лесов ранней осенью привлекает внимание, душа радуется и пока еще не наступили заморозки, все доярки, включая и Ульяну, с работы возвращались через березнячок, где водились опята в большом количестве. Женщины старались собрать как можно больше опят, снимали с себя фартуки, платки снимали с головы, и заполняли их сотнями маленьких грибочков. Эх, зимой-то они какие вкусные!! Только засолить их надо уметь!

И так женщины увлеклись, что ушли уж далеко за деревню, дошли до Чеурихи, это километра три за село. Начало темнеть. Спихнулись бабенки, да темнота уж наступила. Завязали они узлы с грибами и потащили их домой. Чтобы укоротить путь, надо было пройти через кладбище, а тут уже и деревня вот она. Идут, а в душе страшновато! Хотя они и взрослые, но кто знает, что там в темноте может быть? На мертвых тоже надеяться нельзя, они такие таинственные и непредсказуемые!...

Оглядываются женщины по сторонам, друг за друга держатся и идут между могилок. А тут вот и луна начала на небе среди туч пробиваться. И только лунные мерцающие пятна осветили могилку прямо перед ними, как вдруг из-за креста выскочила высокая длинная фигура в белом балахоне, с косой в руке и бросилась им наперерез!... Женщины в испуге бросили свои узлы с грибами, закричали диким голосами, ужас пронизал их насквозь. Волосы у них встали дыбом, мороз по спине пробежал. Их будто парализовало!

Бежать бабенки не могли от испуга, они упали тут же, и лежали в ожидании смерти. А как же! За ними пришла сама Смерть с косой в руках! Как спастись? У них же у всех дети!

А Смерть остановилась, оперлась на косу и прокрипела: Где мои грибы? Быстро отдайте мне!

И стала снимать балахон, подставляя его, чтобы женщины насыпали ей грибов. В свете луны блеснули черные глаза! Лохматые волосы у Смерти торчали в разные стороны, она была ужасна!

– Дашка! Это же ты! Ах ты, пиявка! Вот ты сейчас получишь грибочков!!

И как бросились на Дарьюшку!... А это была она! Вечером она немного задержалась на дойке, а девчонки уже побежали за опятами. И ведь не лень ей было сбегать домой за белой мешковиной, взять из дома литовку (косу). Из дома выглянул муж.

– Дарьюшка, куда это ты на ночь глядя с литовкой пошла?

– Так вот травки хочу подкосить свеженькой и теляткам на ночь бросить в стойло.

– Правильно, моя родная! Ох и работающая ты у меня! – и скрылся в доме.

Женщины бросились к Дарье! Круто сказано, что бросились! Они только руки к ней тянули, чтобы достать ее, негодницу, но ноги их не слушались! Потом начали всем коллективом хохотать, пока кто-то из них не догадался: не к добру, девчонки, на кладбище смеяться! Нельзя это! Грех!

Дарьюшка помогла всем подняться, они со слезами и смехом понемногу отсыпали ей грибов в мешковину. В результате у нее оказалось больше, чем у каждой из собиравших. Получается, что битый небитого везет, как в детской сказке!!

Уж и не знала сама Дарья, и не подозревала, что ее шутка на кладбище так оживит подружек! Наутро все пришли на работу с хорошим настроением! Глаза у всех блестели. Как будто они действительно избежали встречи со смертью и теперь спешили жить и радоваться жизни! Двое из них, что были молодыми, вскоре забеременели. Василиса Перекидова помирилась с мужем. А Ульяна... влюбилась!

Ну, кто бы мог подумать об этом? А сама она в первую очередь удивилась! Ей перевалило уже за 35, вот уже скоро исполнится 36, дочку замуж отдала. Она и не обращала на этого

парня внимания. Он моложе ее на 8 лет. Гаврил Титов. Надо сказать, фамилия Титов в Сибири также распространена как Иванов в средней полосе России. Так вот этот Гаврил работал у них на ферме скотником. Убирал за коровками навоз, воду носил в поилки и делал всю тяжелую работу. Теперь только Ульяна реально вспомнила, что Гаврил всегда старался попасться ей на глаза, предлагал помощь. Фляги с молоком весили под пятьдесят килограмм, так он ей всегда порывался помочь и спешил вместо нее подхватить тяжелые фляги и поставить их на телегу, чтобы потом везти их на молокозавод.

Правда, она и не придавала этому значение. А вот после прогулки по кладбищу захотелось снова жить, быть нужной кому-то... И тут опять этот Гаврил, не позволяет ей даже сена натаскать в кормушки коровам и говорит:

– Ты красивая, Уля, как фиалка!

– Почему вдруг фиалка?

– Так мне кажется, ты когда улыбаешься, глаза твои становятся похожими на фиалки...

И мне всегда хочется защитить тебя от всего, чтобы ты не работала так много!

Чтобы улыбалась почаще!

Ну, вот так и началась история любви Ульяны. Кто-то осуждал за то, что парню надо бы жениться на молодой девушке, а не на матери взрослых детей. Но Гаврил не слушал никого, в том числе и свою мать. Правда, когда она познакомилась с Ульяной, посмотрела взаимоотношения сына с любимой его женщиной, поняла, что нельзя идти против счастья сына. Ульяна была благодарна свекрови! И у них установились добрые родственные отношения.

Вскоре Ульяна не одна рассматривала диковинные цветы на потолке ее дома, а вместе со своим любимым Гаврилом, лежа на кровати с железными спинками и панцирной сеткой, но зато на домашней перине!!

Уля не могла понять, вернее, поверить не могла, слушая слова своего Гаврила, когда он ей говорил, какая она красивая, и что она единственная, и все достоинства ее как хозяйки.... Ульяне было даже странно, что ее можно так любить. Ведь от мужа она видела, что практически он как турецкий султан имел в доме много лет две жены, и никто не слышал от него таких искренних слов...

А ведь каждая женщина хороша по-своему. Только бы судьба подарила встречу двум половинкам, тогда все самые лучшие качества друг в друге хочется восхвалять и ими наслаждаться...

Ее сынок Сашенька с радостью воспринял появление в их доме мужчины. Он и отцом его стал называть сразу же.

Все спорилось в руках, в их семье стал появляться достаток. Ну, как он мог выглядеть в те годы, этот достаток?! Не автомобиль Мерседес или личный вертолет, как у Якубовича. Они купили в дом новый шкаф и диван с завитками, обтянутый коричневой кожей и Саше купили новое пальто, ботиночки. И себе справили кое-что из одежды

Дочка Анна писала из своего села Балты, что очень счастлива в своем замужестве. Муж Яков очень ее бережет и любит. Что они купили две курицы, на большее количество несушек денег не хватало, но вот эти две уже начали нести яйца. Значит к лету будут свои цыплятки. А потом на свиноферме, где она работала, у свиноматки родилось так много поросят, что им не хватало сосков, и один слабенький просто уже умирал. Его хотели выбросить, а Анна спросила, может ли она его забрать домой? Ей разрешили. Она его кормила через трубочку молоком и всю зиму он рос у нее на русской печке, а весной никак не хотел выходить на улицу. Он боялся всего, что ему было незнакомо. Отправить поросеночка на мясо Яков не смог, рука не поднялась, но зато они его обменяли на телочку, которая оказалась уже стельной и теперь к лету у них будет не только своя корова, но еще и теленок.

Хозяйственная девочка Аня была обучена всему с детства и поэтому жизнь с любимым мужем казалась ей такой радостной и счастливой. Она, конечно, помнила свое первое увлече-

ние, или это можно назвать любовью – Максима, но... там ее посчитали недостойной и бедной, а здесь она была в уважении, любви, Яков пылинки с нее сдувал. И мама Якова относилась к ней также тепло, как ее родная мама.. Да и сама она многое переоценила в своей жизни и поняла, как это ценно, когда тебя любят. К ней пришла любовь, муж для нее стал всем...

Конечно, Анна тоже была удивлена тем, что ее мама влюбилась в парня намного моложе ее и вышла замуж. И что счастлива. Но порадовалась за маму и поздравила их обоих. Она помнила, кто такой Гаврил Титов и как он выглядит.

Тонечка жила в Сталинске. Она жила среди всех родных: там у нее были братья Тимофей и Гаврил, сестра Мария. А еще и тетка Марья Ивановна с мужем и тремя их детьми. Так что одинокой она себя в городе не чувствовала. В Лосиху ей так и не пришлось ни разу приехать.

Учебу она закончила, работала на телефонной станции мастером, по тем временам это было очень почетно. Самые современные средства связи – телефоны. Теперь она пошла в вечернюю школу, так как хотела вскоре поступать в институт связи, и для этого надо было ехать в Москву. Исполнялись ее самые заветные мечты. Учиться и жить в Москве. Ну, или в Одессе! С Москвой уже было более реально... Про любовь она пока не думала, не встретился еще тот человек, который заставил бы ее сердечко стучать сильнее...

О чем было еще переживать Ульяне? Правда, умерла ее тетка Валентина, которая осталась в Кытманово. Заболела и не могла поправиться. А муж ее умер двумя годами раньше. Погоревала Ульяна, мысленно все время благодарила тетку, посылая ей теперь мысли благодарности на небеса. Что не бросила их четверых, что довела до взрослого возраста и всех выдала замуж. Спасибо тебе, родная!

Но у тетки остались сиротами двое детей, которые родились уже в Сибири. Теперь они остались без обоих родителей. Остались детки: девочка и мальчик. Девочка – Серафима, мальчик – Анатолий. Двое старших детей уже жили и работали в Барнауле. Настала пора уже Ульяне и Катерине помогать своим племянникам, как когда-то помогала им тетка. Девочку взяла их старшая сестра Марья Ивановна и увезла сразу в город, а Толик жил с Ульяной. Так в роду сестер из поколения в поколения повторялись ситуации раннего ухода родителей, а детей забирали те, кого еще раньше поднимали на ноги их родители... Что это? Кармические события? Кто за чьи грехи рассчитывается? А Ульяна об этом часто думала. Но ответа не было... Может, корни проблемы уходят к предкам и она чего-то не знает? Да и как теперь узнать?...

Да, и брат Ульяны, Евгений, который был совсем еще маленьким, когда умерли один за одним их родители, теперь вырос и уехал в Ленинград, где уже заканчивал горный институт. Женился там же, и рос у них маленький сынишка Коленька.

А Васильевна жила с семьей Ульяны до сих пор. Уже некого было нянчить. Дети выросли, а бабулька Васильевна считала Улю своей дочкой и не представляла своей жизни теперь в одиночестве.

Наконец, Ульяна избавилась от тяжести в душе и горя в реальной жизни! Все у нее было замечательно!

Не могла еще тогда знать Ульяна, как недолго ее счастье! Сколько горя впереди она увидит. А пока... женщина радовалась солнцу и миру в своей душе...

Глава 19. Война...

Приближалось лето 1941 года.

Как-то веяло в воздухе тревогой. Поговаривали, что есть опасность от фашистской Германии, что они грозятся напасть на русских, но Сталин пресекал все эти «гнилые» разговоры. И люди успокаивались, жить стало как-то полегче. О голоде не было и речи! Вот уже и автомобили появились, и трактора пахали поля. Люди уже не тащили на себе плуг по полям. Сибиряки вставали на ноги!

Но как бы ни был советский народ уверен в своем властелине, Сталине – не смог тот предотвратить войну. Данные разведки, что Гитлер готовит войну и даже дату начала войны сообщали одну и ту же, хотя она поступала из разных разведисточников. Информация попадала к Сталину и там исчезала в глубоких сейфах. Об этом было запрещено говорить, ведь не мог же Гитлер так обмануть Советский Союз: при заключенном мирном договоре напасть так вероломно.

А оказалось – смог!

Выходной день 22 июня 1941 года. Известно, что деревенский труд не приемлет праздников и выходных. Животные тоже каждый день хотят есть, и деревня живет по закону «День год кормит». Все работали, Ульяна с Гаврилом были на ферме. Вдруг увидели бегущих мальчишек. Бежали Саня и Толик. Ребята так торопились, они сняли с себя рубахи и махали ими в воздухе, привлекая внимание родителей. Уля подумала, что, не дай Бог, пожар случился в деревне или что там еще могло стрястись?

Дети взволнованно кричали:

– Мама, война, война!

– Какая война, дети?

– Мамочка, Гитлер, фашист! Украину закидали бомбами! По радио сообщали. Мама, страшно!

Дети подбежали, Ульяна обхватила их обоих, прижала к себе. Успокаивала их, может это только разговоры, попытки к войне, но не сама война. Но сердцем понимала, что мир обрушился... Что будет дальше?

Началась всеобщая мобилизация. Сначала забирали молодых мужчин, увозили сразу в Косиху, в районный военкомат и на станцию, где уже ждали железнодорожные составы. А не то, что вагон-другой... Ехали целыми составами в направлении запада. На Украине и Белоруссии уже начались настоящие бои. Фашисты продвигались довольно быстро вглубь страны. Фактор неожиданности начала войны сыграл не в пользу Советского Союза.

Гаврила забрали на фронт буквально через день.

Он смотрел на Улю не отрывая взгляда. Смотрел, как она собирает ему рюкзак. Следил за каждым ее движением и шагом.

– Ну, родной мой, чего ты так смотришь на меня?

– Запоминаю, Улюшка! Буду там вспоминать все, и то, как ты мне собираешь этот мешок.

– Ты вернешься и мы заживем еще лучше! Я буду ждать и молиться, чтобы ни одна царапина не повредила тебя.

Гаврил молча покачал головой. Уля поняла, что он сомневается в возможности вернуться живым.

Она просто подошла к нему, прижалась головой к его груди. Сказала только два слова: Береги себя!

Сбор у сельского Совета был назначен на полдень. Люди подходили и подходили. Можно было понять сразу, кто уходит, кто остается до следующего призыва. Все разбились группками. В центре стоял мужчина, а все домочадцы буквально облепляли его вокруг. Только грудные

дети безмятежно спали на руках у мам, а все остальные, даже трехлетние малыши понимали, что творится ужасное. Лучше бы не было никакой войны!

Гаврила провожала вся семья Ульяны, даже Васильевна пришла. Она стала совсем старенькая. Плакала беззвучно. Уля стояла как каменная. Ее беспокоил настрой мужа, что шел на фронт уже уверенный в том, что не суждено ему вернуться. Она прижалась к мужу и так стояла с ним, пока не объявили отъезд.

Рыдания женщин и детей стояли на площади у сельского Совета. Мужчины держались мужественно, прятали набегавшие слезы. Махали рукой из кузова. Автомобиль тронулся, только столб пыли кружился вслед за машиной. Дети бежали вслед за отцами и старшими братьями, потом отстали. Так ушла первая группа мужчин на жестокую войну.

Ульяна теперь переживала не только за Гаврила. Ведь ее дочка Анна сейчас на территории, оккупированной фашистами. Ульяна ночами не могла заснуть, представляя самые страшные варианты развития событий. То ее дочку расстреляли, то она голодная, скрывается в лесу. Где сейчас ее Яков? Наверное, забрали на фронт. Как же Анюта там одна, ведь она еще совсем молоденькая!

А тут еще старшая дочка Антонина написала из Сталинска, что поступила на курсы медсестер. И как окончит их, а курсы будут продолжаться три месяца, ее отправят на фронт. К моменту отъезда на фронт дочка просила маму приехать, хоть попрощаются. Ведь не виделись уже почти два года.

Ульяна совсем расстроилась. Теперь, когда почти все деревенские мужчины ушли на фронт, работа не могла прекратиться, и делать ее приходилось женщинам. Непосильный труд, забирающий здоровье. Мужчин-трактористов, а в Лосихе таких набралось почти 30 человек, забрали в особую сибирскую дивизию, которую формировали в Оренбурге.

Деревня опустела. Еще не пришла ни одна похоронка, и почтальона теперь ждали, а боялись его появления еще сильнее. Кто знает, с какой вестью он открывает калитку дома?

Бабы заглядывали в глаза почтальону, старались по взгляду понять, что несет он им. А почтальон, Еремей, инвалид с детства, был хромой, и без палочки ходить совсем не мог, он ковылял по деревне с опущенной головой и не поднимал ни на кого своих грустных глаз. Понимал чувства односельчан. Он и сам бы с великой радостью убежал на войну, да нога его больная, куда побежишь в бой, без палочки и с крылечка не спустишься...

С первой группой односельчан на фронт отправился и председатель колхоза Виктор Васильевич Юрин. На его место был назначен старший сын Степана Васильевича – Афанасий Степанович Пономарев. Вскоре пришла повестка Максиму, второму сыну Степана Васильевича. Максим был трактористом, его вместе со своим другом Никитой Мусатовым и другими парнями отправляли в Оренбург обучать вождению танков и хитростям военного дела. Самого Степана Васильевича не забрали на фронт по возрасту. Но он пришел в военкомат и попросился с сыном Максимом в танковую дивизию сибиряков. С Максимом вместе и проводила их Катерина Ивановна на фронт. Из ее семьи ушло на фронт сразу двое: муж и его младший сын. А осталась она с тремя малышами (рожденными в браке со Степаном) и с дочкой Степана – Августой. Ее дочка Настенька, ровесница Анны Дубравиной, уже не жила в Лосихе, уехала в Барнаул, где ей нравилось работать с детьми в детском садике. Катя не понимала, как теперь ей выживать с тремя подрастающими детками. На них нельзя еще было опереться.

Сестры поддерживали как могли друг друга, делить им теперь было нечего. О прошлом не поминали.

Кто старое помянет, тому глаз вон!

Жить было невыносимо тяжело. Первое – боль разлуки, страх за своих сыновей и мужей. А тут еще такая нагрузка. В деревне совсем не осталось трактористов. Новые трактора в колхоз уже не поступали. Снова лошадки начали использоваться во всех сельхозработах. Некоторые молодые женщины пошли на курсы трактористок. Обучал их там же, в деревне, Николай Пав-

лович Берстенов, который на фронт уже не мог пойти, стар слишком, спина больная опять же, даже дома согнуться не дает. И решил он обучить женщин этой уж точно мужской профессии.

Вот так и жили. Все понимали, что на них в тылу ответственность не меньше, чем у их мужей и сыновей под огнем. В деревне хоть пули не свистят... Да и огороды у всех свои, картошки запасешь на зиму и уже нет голода. А надо ведь и для фронта выращивать продукцию.

Катя даже порадовалась, что их сына Афанасия назначили председателем колхоза «Путь к коммунизму». Думала, что хоть в какой-то степени ее семье будет легче пережить тяготы военного времени.

Борьба с голодом! Это не шутки. Люди готовы были делать все, что можно. На трудодни давалось все меньше пшеницы. Современному поколению будет даже непонятно, как можно сварить супчик из лебеды. А в деревне все умели это делать. У кого была корова, тот жил, не голодая. Но ведь женщине трудно даже сена заготовить для своей коровки. Поэтому были и такие семьи, где жили впроголодь. Тут надежда оставалась только на урожай со своего огорода.

Люди даже колоски после уборки пшеницы ходили на поля собирать.

Колоски оставались иногда на поле, в мирное время их склевывали птицы, а теперь людям это служило дополнительной пищей. Есть было нечего. Но попробуй пойти на поле и насобирать колосков. Если донесут в сельсовет или председателю колхоза, что кто-то собирал колоски, могли забрать из дома последнюю живность, могли даже в тюрьму посадить на несколько лет.

Поэтому люди даже по ночам по осенней стерне ходили полуобутые и наощупь искали на земле колоски. Иногда съедали пшеничку из колосков там же, на поле, чтобы если вдруг поймут на поле, то в карманах ничего нет. А желудок не проверишь! Часто народ уходил на поля далеко за деревню, за несколько километров, чтобы никто не увидел. У кого-то и обуви не было, приходилось ходить по жнивью босиком, так что ноги были в кровавых язвах.

Стоял прекрасный осенний денек, золотая осень. Еще не холодно, но солнце пригревает совсем слабо. Катя со своим старшеньким Васенькой в этот день решила сходить на дальние поля, за несколько километров от деревни, чтобы насобирать колосков. Дорога пустынная, идет бедная женщина задумавшись. Есть о чем думать, о чем горевать, о чем мечтать... Васятка отстал на несколько шагов, они не торопятся.

Вдруг Катя уловила какой-то шум, ей показалось, что их догоняет машина. И, хотя мать с сыном еще не ограбили «закрома» Родины, не успели насобирать колосков, Катя так испугалась и резко рванула в сторону от дороги и закричала:

– Сынок! Отойди в сторону! Машина!

– Какая машина, мам!

Катя оглянулась – никакой машины нет!

– Вася, а шум? Я же его слышала!

Мальчик глянул на маму, он нашел причину шума, расхохотался ужасно! Он даже свалился на придорожную, еще не увядшую, травку и так смеялся. Это было заразительно, Катя тоже расхохоталась... Она-то смеялась над тем, как сынишка смеялся... В конце концов она, вытирая слезы, все еще смеясь, спросила сына:

– А шум?

– Так это, мам, мои брезентовые брюки так громко шуршат. Когда я делаю маленький шаг, штанина об штанину задевает почти бесшумно. А тут я решил прибавить ходу, и брезент начал издавать звуки, как скрежет металла... Вот это штаны ты мне сшила!!

И они снова принялись хохотать!

Да уж... и смешно, и грустно! Голь на выдумку хитра! Нашла Катя куски брезента, которые до войны лежали на чердаке, и нашила штанов детям. Тепло хотя бы! Но тайно в таких штанах никуда не проберешься!

Пришли наши путешественники на самое дальнее от деревни поле, насобирали колосков, сложили их в мешочек и затемно пошли домой. Эта работа была настолько важна, от колосков зависела порой сама жизнь. Хлеб из колосков пекли с добавлением травы. Все, что не ядовито, то автоматически считается уже съедобным.

Было уже довольно поздно, в деревне в такой час все находятся дома, и чужие люди тем более здесь не должны быть. Потихоньку Катя с сыном, даже не переговариваясь, как шпионы крались к своему дому. Вдруг рядом с их калиткой к ним навстречу резко вышли из темноты двое мужчин.

– Стойте! Покажите, что в руках!

Один из мужчин выхватил из рук Кати мешочек, в котором было граммов 400 пшеницы, которую они уже отшелушили от колосьев. Легко двум здоровым мужчинам справляться со слабой женщиной, которая целый день с ребенком ходила по полю, собирая зерна пшенички, чтобы накормить своих детей. Привели Катю с сыном в сельский Совет, сходили за председателем, чтобы оформить воровство государственной собственности.

Оказалось это были люди незнакомые, из района. Их работа была на том и построена, чтобы не допускать сбора колосков на полях. Видно, опыт у этих молодчиков уже был богатый: вычислили, что люди шли с поля. Акт был составлен. Пшеница конфискована. И виновников отпустили домой.

Катерина Ивановна даже не могла представить, что это вызовет такой резонанс. А как же! Мать председателя колхоза и ворует на полях пшеницу! На следующий день утречком прибежал Афанасий Степанович – председатель колхоза и коротко сказал:

– Чтобы тебя, мама, не посадили в тюрьму, сегодня же сама, добровольно отведи свою корову Малышку на колхозную ферму! Если ты этого не сделаешь, посадить могут и тебя, и меня. А как вся семья без нас останется, они тогда совсем будут без защиты. Помрут с голоду...

Катя без чувств упала на пол. Придя в себя, она увидела Афанасия, стоящего перед ней на коленях. Она попыталась подняться, но сил не было.

– Мама, я тебя прошу, сделай так, как я сказал. Только так мы можем спасти свою семью. Закон войны не пощадит никого... – И ушел.

Какими словами описать то, Катя подоила последний раз свою Малышку, обвязала веревкой ее рога и повела на скотный двор. Корова упиралась, она не понимала, куда ее могут вести в этот период, когда уже и травы-то не было.

Слезы душили женщину, у которой дома было четверо детей, а ее муж-защитник Степанушка, ее любимый муж, с сыном были на фронте. И он не мог ей сейчас помочь.

Ее успокаивало лишь одно. У Ульяны еще была корова, и они поделятся, не дадут семьям голодать. Да и от Малышки осталась телочка, она уже на следующее лето может огуляться и меньше чем через пару лет у нее снова будет коровка. Но как выжить до своего молочка еще полтора года?!

Ее муж Степан Васильевич с Максимом служили в одной дивизии и даже были в одном экипаже.

Катя получила от них два письма всего, и вот уже месяц они молчали. Она понимала, что причин может быть только две: письмо в пути и она его получит, и – она никогда больше не получит письма от своих родных мужчин, но почтальон ее найдет с чужим конвертом, в котором горе. Во второй вариант она старалась не вникать, и отталкивала от себя эти мысли.

Бои шли под Москвой, шел самый страшный декабрь, когда решалась судьба всего советского народа.

Глава 20. Новая потеря Ульяны

Зима с 1941 на 1942 год была необычайно суровой. Морозы были ужасными. Ночью то и дело слышался на улице треск. Это было не что-то мистическое. Дома в деревне были у всех рубленые, из дерева. В самые сильные морозы, видно, трескались круглые бревна, из которых строили дома, поэтому и дома-то имели часто потрескавшиеся бревна.

Ульяна каждую минуту думала обо всех своих близких: как ее муженек, не виделись так давно! А от Анны с начала войны нет ни одного письма. Только сердцем верила, что дочка жива, но почтальон обходил ее дом стороной, пряча глаза.

Дочка Тонечка вот через месяц должна будет отправиться на фронт. Уже скоро закончится ее учеба на курсах медсестер. Мать должна проводить дочку на фронт, дать ей иконку – материнское благословение, только бы была жива!

От мужа она получила всего одно письмо. Его он написал еще по дороге на фронт. Уля обливает это письмо слезами каждый вечер. Химический карандаш растворился и от слез уже не мог сохранить буквы. Уля помнит в этом письме каждое слово. И вот она мысленно в сотый раз повторяет весь текст письма от первого и до последнего слова:

«Здравствуй, моя дорогая и любимая жена Уленька! Едем в теплушке вместе с нашими всеми лосихинцами. Все, кто со мной уходил из дома, все тут. Пока нас не разделили. Всего неделя прошла, как я расстался с тобой, а кажется, что ты провожала меня из дома уже несколько лет назад. Я очень скучаю по тебе.

Не знаю, что там случится дальше, ты только помни, что ты для меня – единственная и самая любимая женщина в мире. Уля, вернись, буду любить тебя и беречь еще сильнее. Что бы ни случилось, я люблю тебя! Ты только дождись меня. Поцелуй за меня детей и Васильевну. Целую много-много раз! Твой муж Гаврил.

Да, и скажи маме, что письмо написал одно на вас двоих. Пусть не обижается, Я ее тоже очень люблю. Когда вернись, соберу вас всех, моих любимых и ненаглядных, под одну крышу, в один дом»

Для Ули теперь это письмо, залитое ее слезами, в котором уже невозможно разобрать ни одно слово, было ценно уже тем, что Гаврил держал его в руках и касался этого листка бумаги. И она держала это письмо, свернутое в треугольничек, у себя под подушкой.

В самые холодные январские дни, когда без дела и на улицу-то выходить не хочется, Уля вдруг увидела почтальона Еремея, ковыляющего с палочкой к ее дому. Сердце ее замерло. Только не это! И тут же мысль, подожди, Ульяна, не паникуй, вдруг от Анютки письмо....

Почтальон молча, не поднимая глаз, достал из сумки письмо. Ульяна все поняла. Вместо обычных солдатских треугольников это было письмо в почтовом конверте и с каким-то штампом. Глаза ее остановились на конверте, она не могла ни пошевелиться, ни сказать какие-то слова. Почтальон прошел мимо нее вглубь комнаты, положил письмо на стол, подошел к Ульяне, прижал ее к себе, постоял так несколько секунд. Потом выскочил из дома настолько быстро, насколько мог. И поковылял дальше.

В письме было сказано, что ее муж Титов Гаврил Дементьевич считается без вести пропавшим.

Это случилось 13 декабря 1941 года под Москвой. И добавлена приписка, что в этих случаях люди не считаются погибшими. При появлении какой-либо информации о местонахождении Титова Г. Д. его семья будет извещена дополнительно.

В письмо была вложена информация одного из бойцов, который был в составе группы. Это была копия краткого отчета о выполнении задания на имя командира. Вот что там было написано:

Группа имела задание проследить получение фашистами трех железнодорожных составов с танками и зенитными орудиями для похода на Москву. В ходе операции произошло столкновение с вражескими силами, был ранено двое и убит один. А боец Титов исчез. Командир группы допускает возможность утечки информации, иначе как же фашисты их поджидали в том месте, где они должны были наблюдать за распределением военной техники. Ведь следующим этапом задания группы был взрыв эшелонов с танками, а фашисты уже находились в засаде в том месте, куда направлялась группа.

Ульяна просто как стояла с письмом в руке, так и упала на пол. Как сквозь сон она слышала, как хлопотали над ней, пытаясь привести ее в чувство Васильевна и мальчишки. Еще больше ей стало от того, что Гаврил исчез бесследно как раз в день ее рождения. И она снова потеряла сознание.

Ульяна понимала, что исчезнуть на войне можно только по причине взятия в плен. Может, фашисты хотели взять «языка»....

Неделю ее оберегали дети и Васильевна, кто-то был рядом с ней постоянно. Ульяна была в горячке. Высокая температура, поднимавшаяся непонятно по какой причине, отняла у Ульяны последние силы. Она даже с кровати встать не могла... Только на минутку забывшись, она открывала глаза и сразу в памяти всплывало письмо со штампом. Матери Гаврила передали такое же письмо, она тут же приползла к Ульяне и тоже не отходила от невестки ни на шаг. Бедная старушка понимала, что Ульяна – единственный человек, который после сына ей был близок. И она помнила, что сын писал в своем единственном письме Ульяне, что когда он вернется, они будут жить все вместе. Уля прочитывала письмо от Гаврила своей свекрови много-много раз... А теперь все, она потеряла единственного сына... Как это произошло, теперь Гаврил для всех исчез. Где же он теперь, ранен или уже погиб?

Старушка залилась горькими слезами и сказала Ульяне:

– Не придется нам, дочка, теперь никогда пожить вместе в одном доме. Умру в одиночестве. Больше у меня никого нет. Только ты и осталась.

Ульяна лежала неподвижно, как бы в забытьи, без сознания.... Но она хорошо услышала слова свекрови. Приподняла голову с подушки, протянула руку к свекрови и сказала: Татьяна Петровна, переходите к нам, места всем хватит. Мы – одна семья и не надо нам разлучаться. Гаврик не погиб. Он будет стремиться к нам.

С этого дня Уля стала понемногу вставать, словно заново училась ходить. За ней ухаживали все наперебой, старались лучший кусочек положить перед Ульяной. Она не могла ни есть, ни пить. Свекровь пришла к ним на следующий день после разговора с Ульяной. Так она и Васильевна прожили в доме Ульяны до конца жизни. Никто не был обижен. Все делили поровну: и радость, и горе....

Плохо только то, что радостных событий не поступало. А река горя разлилась как в половодье. Немного оправившись от болезни, Ульяна спрятала два письма за иконами на божничке. Первое и последнее – это все, что осталось от дорогого ей человека.

Хотя Ульяна в душе не соглашалась с письмом, она понимала, что с Гаврилом случилась беда, просто так подобные письма не рассылают. Значит, могла быть гибель любимого мужчины, но сердечко подсовывало ей мысли, не верь, он живой, живой... Что с этим делать, Ульяна не знала. И как бы ни было горько, она зажигала свечку не за упокой раба божьего Гаврила, а за здравие. Сердце, оно все чувствует...

Собралась Ульяна провожать дочку Антонину на фронт. Примерно в середине февраля заканчивалась учеба на курсах медицинских сестер. Надо успеть проводить дочку.

Каких трудов стоило ей только добраться до Сталинска! Ведь до станции надо идти пешком. Путь немалый – тридцать пять километров надо пройти пешком. Сил не было. Ульяна просто шла тихим прогулочным шагом, быстрее не могла... Одолела эту дорогу за два дня, на ночь остановилась у знакомых в промежуточном селе Каркавино.

В городе с большим трудом добралась до Сосновки – пригорода Сталинска, где жила ее сестра Марья Ивановна со своей семьей. Когда Ульяна вошла в дом к сестре, у той от удивления выпала чашка из рук.

– Уля, как ты быстро приехала... Кто тебе сказал? Еще даже телеграммы не отправляли никому.

Ну, где же взять силы, чтобы это пережить. Что-то с дочкой?... Какие телеграммы? И почему много телеграмм, что со всеми случилось?...

Уля упала в обморок. Тело не слушалось ее, она не могла пошевелиться ни рукой, ни ногой... А мозг работал четко: что могло случиться, ведь курсы еще не закончены. Жива ли Тоня?

Ульяна смогла только спросить:

– Маня, она жива?

– Жива, жива, только в госпитале сейчас...

– Надо ехать туда.

Но сил уже не осталось ни на поездку, ни на что другое. Она еще не поняла, что произошло с дочерью. Вечером приехали все старшие дети Тимофей, Гаврил и Маша. Они и рассказывали подробно, что произошло. Произошла диверсия на металлургическом комбинате, в столовой подавали отравленную еду. Это был натуральный теракт. А группа девушек с курсов медсестер питались в этой же столовой комбината. Отравлены были около тысячи человек. Антонина тоже получила ядовитую пищу.

Сотни людей скончались. Из группы девушек, где училась Антонина, остались в живых только трое.

Так уж устроены российские женщины. Когда наступает тяжелый момент в жизни, они как никто другой способны концентрировать свои усилия, помогать близким. Мозг мобилизует организм. Все внимание дочке. Ульяна не отходила от постели дочери. Все процедуры по очищению организма от ядов проведены, теперь дочка лежала как мертвая. Она не могла пошевелить даже пальцем. Питие в желудок подавали по трубочке. Ульяна и сама была почти в таком же состоянии как дочка, но сна она лишилась, не могла даже на минутку уснуть. Сидела на полу рядом с кроватью и держала дочку за руку.

Прошло пять дней... Антонина открыла глаза. Она даже не поняла, где она находится и почему рядом с ней мама. Тоня была очень сильной и здоровой девушкой, с хорошими генами во многих поколениях, только это и спасло ее. И фактор времени. Быстрая доставка в больницу и помощь начала оказываться в течение минут пятнадцати. Девушка выжила. А каковы будут последствия, покажет время.

Вышла Тоня из больницы, лицо синевато-зеленого цвета. Нос заострился. Похудевшая. Можно сказать, похожая на скелет, обтянутый кожей. Но хорошо уже то, что осталась жива.

О фронте уже не было речи. Работать осталась на прежней своей работе, в цехе связи комбината.

Питание должно быть лояльным, желудок подорван. А в военное время о каком диетическом питании можно было говорить? Кроме того, девушку огорошили врачи заявлением, что она никогда не сможет родить, таковы последствия отравления. Девушка не хотела умирать, цели ее жизни были светлыми и радостными. Она мечтала учиться, получить самое высшее образование, какое вообще возможно. И если не будет своих детей, она возьмет нескольких детей, осиротевших в эту войну. Она уже видела таких детей. Их эвакуировали с Украины и Белоруссии.

Через неделю Ульяна отправилась домой. Опустошение в душе, сил не хватало на работу. Наконец, к зиме 1942 года пришло письмо из Украины от Анны. Письмо в пути находилось почти четыре месяца. Но, слава Богу, дошло.

Глава 21. Жизнь Анны в оккупации

Анна уже больше года жила на родине своего мужа Якова – в селе Балты, недалеко от города Одесса, того самого города, о котором так мечтала ее сестра Антонина. Тонечка так и не увидела этот город, а Анна даже несколько раз с мужем выезжала туда, и он ей показался самым прекрасным из городов, которые она видела. А никаких других городов она по сути и не видела еще! Только те, что видела из окна вагона, когда ехала с мужем на его Родину, в Украину.

Природа Украины невероятно красива. В отличие от Сибири, где дома все были срублены из дерева, из круглых бревен, где не росли фруктовые деревья, украинские села были настолько живописны, избы побелены, разукрашены разноцветными ставнями, все утопает в садах. Столько фруктов! Анну мог понять только такой же человек, как и она сама, не видевший в своем саду яблони, никогда прежде не срывавший румяное яблочко с ветки. Не видела она и виноградников. Ей казалось, что по сравнению с сибирским климатом, холодным и суровым, украинские села были как игрушечные, домики беленькие, в зелени садов...

У Якова был свой маленький домик, оставшийся ему от его любимой бабушки. Она умерла в тот год, когда Яша работал в Сибири, откуда он привез самую красивую и добрую девушку на свете – свою Анюту. Яков жалел лишь об одном, что бабушка не успела пожить с ними, и, может быть, они смогли бы своей любовью и заботой продлить ей жизнь. Домик был маленький, там было две комнатки.

Трудолюбивая девушка сразу пришлась по душе всей родне Якова. Анюта так уютно обустроила свой домик, все там было сделано ее руками. Она сшила занавесочки на окна, связала кружевные цветочки и обрамила ими занавески. Кружевная скатерть лежала на столе, на котором не было дорогих и редких яств, а была простая сельская еда, но в доме была атмосфера нежности, бережного отношения друг к другу.... Любовь – такая вещь! Либо она есть, либо ее нет...

Она только тут и оценила, как это приятно, когда ты для мужа самая красивая, умная и вообще, Яков хвалил ее за все пустяки. Все, что бы только ни сделала Анюта, находило в его душе отклик.

Каждый вечер она ждала мужа, сердечко ее волновалось, как тогда, когда он принес ей букет полевых цветов и несколько васильков поднес к ее лицу, сравнив васильки с цветом ее глаз... Потом прочел стих, который посвятил ей. Она поняла, что слова подобранные в рифму, так много сказали о его чувствах, что она тогда смутилась и убежала.

Яша всегда ей говорил, обнимая ее:

– Анюта, моя любимая, ты меня не стесняйся! Разреши мне доказывать любовь каждым моим словом, делом! Мне нравится каждый твой жест, улыбка... Какая ты у меня!! Солнышко мое!

Летом Анна с мужем частенько ужинали и проводили весь вечер в своем саду, под вишней, которая росла почти рядом с крылечком.

Как принято в украинских селах, в саду, под деревьями ставили деревянный топчан, столик, лавки. Была небольшая печурка для того, чтобы приготовить на огне супчик или испечь на углях картошку. И вот там Яков с Анютой любили проводить летние вечера, а иногда и оставались спать на топчане под вишневым деревом. Обнявшись, они смотрели на звезды, мечтали, им было необыкновенно хорошо вдвоем. Любовь пришла и поселилась в их доме!...

Постепенно они с мужем обзавелись хозяйством, и жизнь казалась им такой счастливой. В хозяйстве уже появилась корова, бегал поросенок, по утрам их будил петух Маркел....От этого Маркела спасения не было. Если в кормушке у кур не было еды или водички, и его курочки нуждались хоть в чем-то, он запрыгивал с улицы на оконные отливы, долбил

клювом оконное стекло, как бы напоминая хозяевам об их обязанностях. Мог клевать за ноги хозяев, когда они вместо того, чтобы принести корм, шли, например, чтобы собрать из гнездышек свеженькие яйца. Короче, руководителем в хозяйстве был Маркел, а не хозяева!

Их радости не было конца, когда Анна поняла, что беременна. Она даже и сама не понимала, что случилось, почему ей вдруг захотелось среди ночи соленого сала, потом меда. А утром она искала соленые огурчики в подвале. Яков смеялся... Он-то уже понял, что будет у них скоро первенец. Теперь Яков еще больше старался оберегать свою любимую жену от всякой тяжелой работы. К колодцу – сам, корову подоить – сам.

Было бы не совсем справедливым, если сказать, что война началась внезапно. Слухов было много, но никто реально не верил, что фашистская Германия могла напасть, ведь был заключен мирный договор между Советским Союзом и Германией. Ведь только сейчас начали люди жить более – менее благополучно. Радовались жизни, рожали детей...

И все-таки необоснованными были надежды на мир... Двадцать второго июня 1941 года началась война. На рассвете стал слышен сильный гул. Летели армады самолетов, бомбили крупные города. Самолеты летели на восток. Когда люди, жившие в Сибири и на Дальнем Востоке, еще только слышали по радио о начале войны, на Украине уже началась мобилизация мужчин.

Все молодые мужчины через день организованно ушли в лес в партизанский отряд.

Яков ушел тоже. Какими словами описать состояние женщины, которая осталась одна, роды могли начаться в любой момент.

Малыш должен был родиться в конце июня 1941 года. Война началась двадцать второго июня, а малыш родился двадцать шестого июня. Родился мальчик, такой прекрасный младенец. От красивой любви рождаются красивые дети. Рожала Анна дома, роды принимала свекровь. Уже несколько дней гремели взрывы, самолеты летели в сторону востока, наполненные бомбами, моторы их нутжно ревели, было очень страшно.

Их село Балты по счастью не было разрушено бомбами.

Однако грузовики, в кузовах которых сидели фашистские солдаты, проходили через село нескончаемым потоком. Народ еще не мог понять, что вообще будет происходить, но стрельба была слышна со всех сторон... Были уже разрушены дома, гибли люди. Вошедшие в село немцы расположились в здании сельского Совета.

В школе разместили комендатуру. В селе оставались только дети, женщины и старики.

Немцы в эти дни еще бодрые и brave, лавиной двигались на восток страны, и местное население без причины не расстреливали. Зачем себя лишать рабов? Пусть трудятся на полях и обслуживают вермахт во всех сферах... Был дан приказ всем жителям собираться на площади перед школой.

Первым вопросом комендант поинтересовался у женщин, держащих на руках детей, а где же их мужья? Где вообще молодые мужчины?

Все молчали.

На ломаном русском языке офицер объяснил, что семьи партизан будут расстреливаться без предупреждения. За каждого убитого солдата вермахта будут расстреляны десять русских.

Остальные правила поведения будут расписаны и вывешены в центре села.

Анна на сбор односельчан не ходила, но свекровь все рассказала, все боялись, что расстрелы будут бесконечными. Была введена трудовая повинность.

Яков даже не видел своего малыша. Он уже был в партизанском отряде. Анне было многое непонятно. Дядя Володя – дядя ее мужа Якова вдруг пришел сам к немцам и попросился на должность старосты села.

Фашисты утвердили его с удовольствием. Конечно, он никого не расстреливал. Казалось бы, страшное предательство. Но когда война перешла из фазы наступления в противоположную и фашисты бежали, очень поспешно... расстреливая мимоходом население, взрывая

и сжигая за собой всё: мосты, здания, жилые дома. Когда советские войска освободили Украину, то дядя был награжден орденом. Значит, всю войну дядя работал в самом пекле. Сколько информации им было передано партизанам. Но насколько был он аккуратен, что немцам его и упрекнуть было не в чем.

Немцы известны своей любовью к порядку. Порядок! Орднунг! Слово она это запомнила на всю жизнь... Везде висели вывески, предупреждающие народ, за что их могли расстрелять, что обязаны были делать люди... Даже те поля, которые сохранились в целостности при бомбежках, фашисты сразу оценили. Расставили народ по участкам и началась уборка урожая. Нормы давались такие, что никто их физически выполнить был не в силах. А невыполнение каралось наказанием.

Анна работала в бригаде вместе с другими женщинами. Они ходили ежедневно, без выходных дней на поле, пропалывали сахарную свеклу, выращивали для немцев овощи. Молоко от своих коровушек регулярно забирали немцы. Куриные яйца, а то и самих курочек – то же самое.

Самое страшное для молодых женщин – понравиться какому-то фашисту. Поэтому женщины специально закутывали лицо платками, ходили в лохмотьях, в одежде, которая даже молодых и стройных женщин делала уродливыми. Так старалась выглядеть и Анна.

Как выжила в эти страшные годы, Анна не знает. Наверное, силы давал сыночек. Когда родился сын, она обязана была его зарегистрировать в немецкой управе. Имена давал немецкий священник, который достал большую книгу, долго всматривался в страницы и искал дату рождения ребенка. Это был день святого Гельмута.

– Будет мальчик Гельмут! Будет гражданином великого третьего рейха! Германия будет править всем миром!

И стал заполнять какой-то бланк, видимо, свидетельство о рождении.

Аня осмелилась и спросила:

– Мы с мужем хотели назвать сына Андреем в память о моем отце. Можно его записать Андреем?

Священник так посмотрел на нее... Непонятно, чего больше было в его взгляде. Наверное, недоумения, как это человек не понимает, что теперь будут в употреблении только немецкие имена, а пора всяких Андреев ушла в прошлое. Скоро у него у самого будет огромное имение на Волге... Обещал сам Адольф Гитлер. А он ему верил. Вон как красиво разворачиваются события. Немцы идут победным маршем. И так будет всегда... А эта девчонка... Ну, смешные эти русские.

Правильно, говорил Гитлер, что убивать надо не всех, думал про себя священник. Молодых и сильных надо заставлять работать много, пока не сдохнут на полях и на заводах. Ну, а евреев – тех и работать не надо заставлять, сразу расстреливать.

Партизаны не отсиживались без дела. В густых лесах мог спрятаться отряд в сотни человек...

Каждый взрыв на железной дороге, каждая диверсия, как и обещал комендант, уносила жизни людей. Расстрелы были не раз, и не два. Люди жили в страхе. Ночами люди боялись каждого стука.

Время летит быстро, Аня работала на всех работах, куда бы ни отправляли немцы. Она старалась быть незаметной. Муж был в партизанах. Они не виделись больше года. И вот однажды глубокой ночью Анна услышала тихий стук в окно рядом с кроватью в ее спальне. Она подошла, отодвинула занавеску и увидела мужа. Нет слов! Как она радовалась, что он появился. Дядя Володя, который работал старостой села, никогда не подавал вида, что он что-то знает о судьбе своего племянника Якова. Только когда Аня плакала, страдая от неизвестности, он гладил ее по плечу и говорил многозначительно: Бог бережет твоего мужа, не плачь, лучше думай о нем больше и помогай ему мысленно!

Ни одной весточки! Больше года она одна поднимала ребенка... Вокруг смерть и война...

И вот... любимый Яшенька! Она быстро открыла дверь. Муж стоял уже у двери. Хорошо, что хоть луна светит не так ярко. Хоть бы никто не увидел!

Муж вошел, прислонился к косяку. Потом медленно осел на пол. Анна хотела поднять его и усадить хотя бы на лавку. Но потом поняла, что Яков так болен, что не сможет ни подняться, ни дойти до кровати. Прямо у порога она раздела мужа, буквально волоком донесла его до кровати и уложила. Он весь горел. Дыхание было хриплым и прерывистым. Аня поняла, что помощь требуется немедленно, иначе может быть поздно. Но никаких лекарств дома не было. Осмотрела его, крови нет, значит не ранен.

Яша в промежутках между приступами кашля рассказал, что ходили с группой на разведку, пришлось на морозе лежать сутки, закопавшись в снегу. Шевелиться было нельзя, это означало бы верную смерть. Они должны были взорвать эшелон, который направлялся на восток. Целый эшелон солдат, их там сотни. Надо было терпеть и ждать. И это ожидание продлилось больше суток. Яков там, видимо, простудился, что уже в партизанский отряд после выполнения задания друзья его тащили на себе. Температура была такая высокая, что Яков буквально сгорал. Таял на глазах. Надо было его спасать. В отряде это сделать было невозможно. Переправить вглубь России тоже в тот момент было невозможно. Партизаны были в глубоком тылу.

И Яков попросился домой. Выжить дома или умереть, тоже дома. Анна ночью тут же побежала за свекровью. Та прибежала уже с мешочком, в котором были травы, тут же растопили печку и начали делать отвары. Чем могли, тем и старались помочь. На их счастье, недалеко от них жила бабушка-лекарка, которая тут же ночью пришла и принесла с собой настои и растирания.

Больной успокоился, кашель стал редким, температура спала.

Наступало утро. Всю ночь малыш спал, а тут впервые заворочался и заплакал. Яков даже забыл о своей болезни, пытался вскочить и побежать к детской кроватке. Но сил не было, он упал на кровать.

– Аня, покажи Гельмута!

Анна прямо остолбенела. Она-то думала, что он ничего о них не знает. Откуда он знает?

– Яшенька, а откуда ты знаешь имя сына?

Муж ничего не ответил на ее вопрос, и снова попросил принести и показать ему сыночка.

Аня взяла из кроватки сына и положила малыша на подушку рядом с мужем. Они были похожи... обои смуглые, черноглазые... Такие же губы и даже уши одинаковые!

Яков прослезился.

– Теперь бы мне только выздороветь, закончим войну и как мы заживем!! Анюта, как я тебя люблю, я верю, что смогу подняться на ноги!! Я ради вас горы сверну, моя любимая!

Но подняться было не суждено, облегчение было лишь временным. Такие экстремальные условия в партизанском отряде... А легкие у него с детства были слабыми.

Анна от горя и сама не хотела жить. Если бы не малыш, который вот только начал ходить своими ножками, и ходил вокруг папы, не понимая трагедии...

Похоронили Якова тайно, ночью. Узнав, что парень был в партизанском отряде, фашисты расстреляли бы их всех, всю семью. Только после окончания войны Анна могла поставить мужу памятник. В свои 20 лет Анна осталась вдовой. Как бы ни складывалась ее жизнь, любовь и уважение к мужу она пронесла в душе до конца жизни.... Только и было счастье у Анны – несколько счастливых лет жизни с Яковом с момента приезда в Украину и до начала войны. Это будут самые светлые воспоминания из ее жизни.

Сынок рос здоровеньким и умненьким. Анна должна была работать, чтобы не угодить под расстрел. А мальчик целыми днями был с бабушкой. Анна не имела права даже поделиться

с кем – то горем утраты мужа. С семьями партизан разговор был короткий. А так нет мужа, исчез с началом войны и все. Никто не допытывался, где отец ее ребенка.

Однако и среди фашистов, врагов и убийц, она увидела человека, спасшего жизнь ее сыночку.

Гельмуту было уже 2 года, как вдруг свалилась на ребенка непонятно откуда какая-то болезнь, ребенок сгорал от высокой температуры. Она не знала, куда ей бежать, у кого просить помощи и спасения. Завернув малыша в одеяльце, Анна бросилась к немецкому доктору. Это был и первый, и последний человек, который ей мог бы помочь. Среди местного населения никаких врачей и фельдшеров не было, как не было уже и медпункта. Их старичка-фельдшера немцы расстреляли по подозрению в помощи партизанам. И с тех пор люди выживали как могли.

Обращаясь к доктору, Анна рисковала жизнями своей и сына. Если бы оказалось, что у ребенка тиф, их бы расстреляли в тот же момент, чтобы не распространять инфекцию. А вдруг спасет?!

Доктор был рыжим, толстым. Причем его полнота была какая-то непропорциональная. При маленькой головке и узких плечах живот у него был необъемный. Его халат не застегивался ни на одну пуговицу. Он подозрительно посмотрел на молодую женщину, у которой на руках был младенец, завернутый в рваное одеяльце. Мать была в горе, слезы бежали по ее лицу, ему стало почему-то жаль ее.

В конце концов, доктор не отказался посмотреть малыша. Прodiагностировал, там же поставил укол, снял высокую температуру. Дал таблеток с собой. На ломаном русском объяснил, как проводить лечение.

Анна не могла понять, чем же вызвано такое доброе отношение фашиста к ее ребенку. Немец выдал все рекомендации, Анна завернула сына в одеяльце, но понимала, что визит ее не закончен, какое-то продолжение должно последовать и она аккуратненько присела на краешек стула, держа сына на руках.

Доктор сидел задумавшись, он как будто бы смотрел на Анну, но на самом деле его взгляд был устремлен вдаль, сквозь нее, он видел родную Германию, где осталась его семья. Он вспоминал свои горестные годы, когда его Гертруда – породистая и красивая арийка рожала ему детей каждый год и так было подряд в течение пяти лет. Но четверо из пятерых рожденных детей умирали, не дожив даже до года. Какое-то генетическое заболевание, он это понимал как врач. Сделать с этим ничего невозможно. И вот пятый, как раз тоже был назван Гельмутом, пока еще жив. Он пережил рубеж, когда его старшие братья и сестры умирали. Ему уже три годика. И доктор каждый день писал своей Гертруде письма, расспрашивал о каждой минуте их жизни. Как чувствует себя их маленький Гельмут, что он ел и как спалось ребенку, и давал множество наставлений супруге относительно здоровья наследника.

И почему-то в голову доктору пришла мысль, несвойственная его мышлению и его взглядам на жизнь. От этой мысли ему сначала стало смешно, а потом он задумался и так неподвижно сидел еще несколько минут. Он подверг анализу свое поведение. С чего вдруг он начал помогать украинскому ребенку. Ведь по сути жизнь какого-то недочеловека ему вообще не интересна, умрет ребенок или будет жить, для него безразлично.

А почему же он взялся осматривать малыша? Он вдруг представил, что заболел его единственный выживший ребенок, жена обратилась к доктору, а тот оказался невнимательным или непрофессиональным, и умрет его последняя надежда, его маленький Гельмут. Он даже вздрогнул от такой мысли. И в это время женщина назвала ребенка по имени, успокаивая его, назвала Гельмут. Доктор не ожидал, что это как-то подействует на его дальнейшие действия. Но – подействовало и положительно! Он хотел бы видеть такую картину: он помог незнакомому мальчику, спасает его сейчас, вдруг без него и его ребенка понадобится помощь, и кто-то будет также спасать его мальчика...

Доктор сделал все для малыша, все буквально, что только мог. И с собой дал матери лекарства, и задумался... замер... Он был рядом со своим ребенком, он так хотел его увидеть....

Анна встала и хотела тихонько выйти. Доктор как будто вернулся в эту комнату из своего маленького домика под Берлином, где он рассматривал своего сына. Он остановил жестом женщину, достал из шкафа два пузырька, на которых крупными латинскими буквами были выведены названия витаминов. И добавил к ним несколько маленьких плиточек шоколада.

Сказав «Ауфвидерзеен», доктор открыл дверь и проводил Анну на улицу. Она вышла ошеломленная. Сын вскоре действительно поправился. Об этом случае она не могла рассказать даже односельчанам. Они бы не поверили, а самое худшее, могли предположить, что Анна состоит в каких-то особых отношениях с фашистом. Поэтому она никому не сказала о том, как доктор немецкой комендатуры спас ее сыночка.

Доктора Анна не забыла. Это был случай нетрадиционный, обычно фашисты в таких случаях помогали быстрее выздороветь путем короткого выстрела в голову. А тут еще витамины, таблетки и совсем необычно – шоколадки.

Прошло время. Война заканчивалась. Ее исход был уже предreshен. Русские солдаты были уже почти в Берлине. Через их село Балты проходила колонна военнопленных немцев. Их было много, они шли также длинной вереницей, колонна была метров двести длиной, охраняли ее русские солдаты с собаками и с автоматами. Зрелище само по себе грустное. Но лучше пусть немцы идут охраняемые собаками, чем так шли в начале войны наши солдаты, забинтованные, с палочками. Обессилевших пленных разрешалось пристреливать и был даже в их селе такой случай, когда молодого пленного солдатики, раненого в ногу, охранники решили добить: короткий выстрел, парень упал, колонна прошла. И когда фашисты скрылись из вида, жители села бросились к парню. Он был еще жив. И ведь выходили! Спасли!... Прятали и потом помогли переправить его к партизанам в лес.

И вот колонна пленных фашистов плелась по дороге. Куда их вели, Анна не знает. Они, конечно, уже не были такими бравыми, как тогда, когда расправлялись с безоружными людьми, со стариками, детьми. Когда фотографировались, браво выпрямившись, и ногу поставив на грудь поверженного старика или ребенка. И эти снимки отправляли домой, описывая свои мечты и обещания командования вермахта, что все немцы будут иметь свои имения на территории Советского Союза, а русские будут вечными рабами в их имениях.

Эти времена кончились. Фашисты шли понурые. Анна шла по улице с ребенком и колонна пленных немцев шла ей навстречу. Ей показался знакомым человек, с маленькой головой, с обвисшей кожей на лице. Доктор! Это был точно он! Только его китель, грязный и разорванный, застегивался теперь на все пуговицы. Не было даже воспоминания о животе, круглом как глобус! Китель был разорванный, грязный и болтался на нем, как на вешалке. Он был худой, бледный и еле тащил ноги. Анна несла хлеб своей свекрови, она как раз выпекла несколько булок и половину понесла свекрови, с которой они были дружны, как мать и дочь.

Анна даже не осознавая, достала булку еще теплого домашнего хлеба, подбежала к колонне. Ее пытались остановить солдаты, но она только сказала охраннику два слова и он молча отошел в сторону. Анна крикнула:

– Доктор! Спасибо за сына! Возьмите хлеб!

И бросила хлеб прямо в руки немцу. Она не знала, голоден доктор или сыт. Она знала, что сейчас вправе отблагодарить его по-человечески за спасение своего единственного ребенка. Немец подхватил буханку, прижал ее к груди, слезы брызнули из его глаз. Он склонил голову, его рыжие волосы стали седыми, и их так мало оставалось на его маленькой, вытянутой как яйцо головке.

Посмотрел на нее внимательно, как бы прощаясь, опустил голову и пошел дальше. Ведь он тоже узнал ее. Он не мог ей сказать, не было физической возможности в этом грустном

шествии, что сын его – Гельмут жив, но зато его любимая Гертруда погибла при бомбежках Берлина американскими союзниками. Тактика американцев – не жалеть никого, и местное население в том числе. Враг есть враг, независимо от пола и возраста... Теперь ребенок живет в доме его соседа. Вернее, у его жены, сам сосед погиб на фронте под Курском, об этом писала Гертруда ему еще в начале войны.

Доктор подумал, все наши действия находят отклик во Вселенной. Все возвращается. Я тогда, давно, спас чужому мальчику жизнь, а теперь моему сыночку спасает жизнь моя соседка, с которой я даже почти не был знаком.

И теперь не было у доктора сильнее желания, чем выйти живым из пекла войны, куда их отправил Гитлер, увидеть своего сыночка и никогда с ним не расставаться. Доктор уже забыл и думать о своих амбициозных планах, когда он заживет на огромных просторах России в своем имении на Волге, и на плантациях у него будут работать сотни русских, которые и пикнуть не посмеют, из страха.

Его самая заветная мечта – найти сына, прижать его к своей груди и никогда больше с ним не разлучаться. Но выживет ли? Попадет ли домой?

И, держа в руках булку хлеба, выпеченную русской женщиной, он подумал, что русские – великий народ, который своей кровью заработал победу. Зря мы, немцы, втянулись в эту войну. Конец ее справедливый и закономерный...

Глава 22. Судьба Антонины...

Прошло уже полгода с момента теракта, где были отравлены около тысячи человек, яд был добавлен в столовой металлургического комбината в еду. Да... как девушка выжила... в живых остались буквально три десятка из тысячи, на комбинате была пересменка, одни уходили домой после смены и обедали... Другие перед началом смены также зашли на обед. Обслуживающий персонал тоже питался в этой столовой. Да вот и группа девушек, которые уже буквально заканчивали курсы медицинских сестер и должны были через неделю отправляться на фронт.

Как Антонина себя чувствовала после госпиталя? Желудок был в состоянии таком, что лучше ничего не есть, чем поест и потом страдать от ужасной боли. Поэтому Тоня совсем уже не была похожа на ту четырнадцатилетнюю девушку, высокую, видную, с румянцем во всю щеку, которая с огромным энтузиазмом пришла из деревни и пыталась получить образование.

Она буквально с первого года жизни в Сталинске была вынуждена сдавать кровь, чтобы покупать одежду, учебники, хлеб, в конце концов. А теперь сама нуждалась во вливании дополнительной порции крови.

Тонечка была бледненькой и худенькой. Светились только глаза ее, взгляд ее серо-голубых глаз был всегда внимательным. Победив смерть, она с новой силой, с еще большим желанием хотела учиться. Она по-прежнему работала в цехе телефонной связи. И училась в вечерней школе. Девушка не оставила мечту о поступлении на учебу в институт связи в Москве, и силы тратила только на подготовку к учебе.

Тоня так же, как и до болезни, жила у Надежды Ивановны, которая работала с ней вместе на комбинате, и пригласила девушку жить у нее. Места было достаточно, Надежда Ивановна жила с дочкой Полиной. Девушки так прекрасно понимали друг друга, что были всегда дружны как сестры. Правда, Полина буквально перед началом войны уехала в Москву и поступила там в институт. Когда началась война, она так и пережила ее в Москве, а увидеться девушкам в будущем уже не довелось. Были только письма, в которых они писали все откровенно и о многом говорили. Как совпадали их взгляды на все, что окружало их в жизни!

Зато Полине довелось встретиться через сорок лет с дочерью Тонечки, которую она нашла уже на Курильских островах. Плакали обе, обнявшись, и долго не могли оторваться друг от друга. Полина удивлялась, как дочка похожа на мать...

О театральной студии Тонечка давно уже забыла. Вернее, не забыла, а война уже подкидывала такие ситуации, что было не до театра!...

Девушка всегда благодарила Бога за то, что посылает на ее пути хороших людей, которые не бросают в беде. Ей помогали буквально все в ее родном цеху. Все знали об ее мечте учиться в Москве. Тоне казалось это более-менее реальным, ведь там уже училась два года ее подруга Полина, дочка Надежды Ивановны, у которой Тоня жила до сих пор.

И сама Тоня имела талант общения. Она с детства могла найти тему и любила разговаривать со стариками, которые имели жизненный опыт, мудрость и понимали жизнь намного лучше, чем дети. Могла с детками играть и вовлекать их в познавательные игры. Ведь даже в ее «детском садике», когда самой ей было не более десяти лет, в Лосихе, она учила детишек чтению, дети знали буквы и даже читать могли. Это приводило в восторг родителей читающих дошкольников.

Жила она в районе Верхней колонии. Это было в непосредственной близости от цехов металлургического комбината. Постоянный смог, дым из труб валил в таком количестве, что не успевал он рассеиваться, как вдруг среди дыма вспыхивал факел огня – таков был технологический процесс. Хорошо, если ветер был удачного направления и давал хотя бы иногда жителям возможность подышать свежим воздухом.

Стояла середина осени. Самый приятный осенний период, когда еще сухо и тепло, а листья становятся золотыми. Любой маленький порыв ветерка снимает листики с веток, они кружатся слабым облачком, и при свете фонаря Тоня засмотрелась на листопад. Запрокинув голову вверх, она смотрела, как листья красиво кружатся, в свое прощальном танце. Коротка жизнь листьев, только когда они украшают дерево и еще недельку, когда деревья в золоте листья радуют прохожих... А потом осенние дожди, и радость лета окончена. Готовься к холодам.

Тоня возвращалась уставшая, днем она работала, вечером напряженно училась. И теперь вот, возвращаясь домой, остановилась, залюбовавшись листопадом. В свете фонаря в поздний вечерний час это зрелище казалось ей еще более таинственным: вдруг из темноты возникают как из другого мира желтые листья, кружатся в воздухе и оседают у нее под ногами... Извечный карнавал уходящего в осень лета...

Внезапно голова у нее закружилась, и она упала на пешеходную тропинку, идущую вдоль шоссе. Сказывалось общее состояние еще не окрепшего после травмы организма, плохое питание, а еще и нагрузка на работе и учебе. Конечно, кровь она уже больше не сдавала. Приходилось рассчитывать лишь на свои силы.

Сколько времени она пролежала на тропинке, Тоня не знала. В голове у нее кружилось все, как в центрифуге, деревья мелькали и ей казалось, что они опрокидывались. Хорошо еще, что лишилась чувств именно под фонарем, и ее могли заметить прохожие.

Она только начала приходить в себя, как услышала шаги. Антонина хотела попросить человека помочь ей подняться на ноги. Но голоса не было, у нее только шевелились пальцы, ни на что другое сил не было. Оставалось надеяться, что человек ее увидит на тропинке и поможет.

Это был мужчина, очевидно молодой, потому что, увидев девушку, лежащую на земле, он быстро наклонился и профессиональным движением быстро взял Тоню за руку и приложил палец к ее кисти: в первую очередь следовало проверить наличие пульса, а потом уже смотреть дальше. Он приподнял голову и девушки, увидел, что она приходит в себя. Она не могла сказать ни слова, голова кружилась. Мужчина поднял ее на руки, донес до ближайшей скамейки под деревом, посадил и сам сел рядом.

Тоня тихо прошептала:

– Спасибо вам!

Мужчина ничего не ответил, он продолжал все также держать ее за руку. Видя ее слабость, он только и сказал:

– Давайте-ка я вас провожу до дома, не могу вас тут оставить. А самой вам не дойти, сил, как видно, нет...

Тоня медленно повернула голову, посмотрела на мужчину. Она уже боялась нового обморока и не делала резких движений. Мужчина оказался молодым, ей показалось, что ему чуть больше тридцати. Он был черноволосым, его большие и красивые карие глаза смотрели на девушку участливо и по-доброму.

– Да, подумала Тоня, лицо как будто молодое, но волосы – седые... Видно, хватил горя уже с этой войной.

Его руки были не то что теплыми, они были горячими. Почему-то ей показалось это символичным: поднял, усадил, обогрел. Теперь вот домой хочет довести, боится бросить одну.

И она кивнула головой:

– Пойдемте, я живу тут недалеко. Как к вам обращаться? Как ваше имя?

Мужчина как-то застеснялся, что должен был уже сам спросить имя девушки, и сказал:

– Михаил, Миша...

– А меня – Антонина.

Михаил помог Тоне встать, он придерживал ее под руку и они медленно пошли к ее дому, где жила Надежда Ивановна. Со стороны казалось, что идет влюбленная парочка, парень нежно

держит девушку под руку и все время смотрит на нее. А на самом деле, без помощи Михаила Тонечка не смогла бы и шагу ступить, настолько она была ослаблена в данный момент.

По дороге Михаил ей коротко рассказал свою ситуацию. Что осенью сорок первого года он вместе с танковым заводом эвакуировался из Минска в Сталинск. Что ему 32 года, что он работает в сборочном цехе. Что на фронт не был отправлен, потому что по приказу военкомата получил бронь, и должен был работать на сборке танков. Не всем воевать, танки должны бесперебойно выпускаться и отправляться на фронт. Это очень важно.

Кроме того, он вскользь упомянул, что у него язва желудка, как воевать, если у него часто случаются приступы.

Тоня невесело пошутила:

– Коллеги по несчастью! У меня теперь тоже язва желудка. Я едва осталась жива, когда массовое отравление было на комбинате.

– Да, я слышал об этой диверсии. Еще говорили, что нашли диверсантов. Я ведь тоже там все время обедаю. А в тот день я как раз дома с приступом язвы боролся. Надо же, по счастливой случайности я жив остался. Я бы не пережил второго попадания в мою язву. Я сам стараюсь справляться со своими приступами. В юности закончил медицинское училище. А сейчас я обязан работать на сборке и медицинские знания применяю лишь по отношению к себе. Вот, кстати, могу вам помочь встать полноценно на ноги.

Тоня непринужденно разговаривала с ним, и про себя отметила, что ей легко с ним общаться. Видно, Михаил почувствовал то же самое, потому что сказал:

– Тоня, как с легко с вами, у меня ощущение, что я вас знаю всю жизнь...

Давайте выберем время и в воскресенье выйдем погуляем в парке, пока нет дождей. Я за вами зайду с утра в воскресенье. Хорошо?

Договорившись о встрече, молодые люди расстались. Но только до воскресенья...

И стали встречаться чаще. Им было хорошо вдвоем. Парень понимал Антонину. Он не только понимал ее слова и чувства, он буквально знал, что она скажет и не дожидаясь, пока она произнесет фразу, уже отвечал ей. И они дружно хохотали. Михаил имел крохотную квартирку с одной комнатой и маленькой кухней в семейном общежитии. Тоня никогда еще не влюблялась. Однако ни с кем из мужчин у нее не было такого сближения, как с Михаилом. Они скучали друг по другу, бежали на свои встречи как будто им ветер дул в спину...

После нового года в 1943 году Михаил сделал предложение Антонине и она ответила ему согласием. Тоня уже чувствовала себя значительно лучше, хотя желудок болел часто и они страдали обоим, то у Тони приступ язвы желудка, то она видит, что корчится от боли Михаил.

Внезапно Тоня почувствовала тошноту. Михаил быстро догадался, в чем причина непрекращающейся тошноты... Не зря он учился в медицинском и работал несколько лет в больнице в Минске.

– Тонечка, моя родная, да ты беременна! Это первые признаки!

– Миш, ну как ты такое можешь предположить, если в госпитале мне сказали после отравления, что я никогда не смогу родить.

– Этот диагноз был на тот момент уместен, но организм твой справился с болезнью и восстановился, и ты смогла забеременеть. Как я счастлив!!

Тоня так радовалась неожиданной беременности, она втайне мечтала о ребенке всегда, а после отравления мечта стала больной навязчивой мыслью. Она часто думала о том, сможет ли прожить без ребенка. Ведь женщина только тогда и может состояться как женщина, когда она познает радость материнства и любовь к ребенку.... Сердце ее всегда стремилось к материнству.

И вот подарок от небес! Бог не оставляет Антонину без своей милости! Спас ей жизнь в тот страшный обед... Выкарабкалась все-таки! Теперь Бог подарил ей возможность стать матерью.

Молодые люди так радовались, их счастьем не было конца! Не дожидаясь момента родов, Михаил не верил ни в какие предрассудки, что малышу заранее ничего не покупают. Пусть родится, и пока мама в роддоме, вот и покупай тогда все, что сможешь найти в военное время!

А Миша купил ткани, принес домой машинку, взял у кого-то из знакомых, и они с Тоней начали вечерами создавать шедевры детской одежды!

В те годы не было такого понятия, девочка – розовое, мальчик – голубое, шили из всего, что можно было купить. Оказывается, у Михаила мама была профессиональной портнихой и он с ней в детстве раскладывал ткань и рисовал по выкройкам. И кроил с ней вместе. Так что вполне профессионально они с Тоней заготовили для малыша все, начиная от одеяльца, и кончая пальто на годовалого ребенка, драповая юбка матери вполне пригодилась на пальто ребенку.

Антонина была счастлива. Ее семья казалась ей незыблемой основой для счастья. Ведь кончится же когда-то война и они тогда поедут в Москву, где Тоня будет учиться. Малыш уже подрастет. Одним словом, все уложилось в рамки, в график. Да, и вести с фронтов уже были не такие горестные. Война вошла в фазу наступления и стремительного продвижения на запад, освобождения городов. Все советские люди радовались сводкам с фронта.

Тоня готовилась к родам, где-то в начале августа сорок четвертого должен был родиться малыш. Тоня ходила колобком. Миша не мог нарадоваться своему счастью, и Тоня это видела. Все время, сколько она его знала, с первой же минуты, когда он нашел ее лежащей на тропинке, и до последней минуты Тоня верила, что она единственная и самая любимая у своего мужа.

Правда, своей маме Ульяне Тонечка еще не написала о замужестве и о радости будущего материнства. Она все-таки беспокоилась о последствиях своей болезни и диагноз врачей все еще держала в голове. Лучше известить маму, сообщив, что она стала бабушкой.

Тоня еще волновалась и за сестренку Анюту. Как же она на оккупированной территории, живы ли они с Яковом?

Так она занималась домашними делами, погруженная в свои мысли. Решила начать стирку. Брюки Михаила она тоже определила в корыто. Подготавливая брюки, она проверила все карманы, и вдруг в ее руках оказался конверт, где получатель значился ее Михаил Киселев, а отправитель – какое-то официальное учреждение из Казахстана. Вообще-то, Тоня не считала себя излишне любопытной, она доверяла мужу... Но почему сейчас он ей не сказал, что получил это письмо, ведь они договорились не иметь друг от друга даже маленьких тайн...

Антонина открыла конверт. Она еще не прочла и вторую строку, как все поняла. У Антонины потемнело в глазах, и она тихонько сползла на пол. Оказалось, что Михаил делал запрос в Казахстан. И это письмо, которое увидела Тоня, содержало ответ на его запрос. Он искал свою жену Киселеву Марину Николаевну и дочку Киселеву Веру Михайловну. Его семью нашли в Казахстане, куда они были эвакуированы еще до его отъезда из Минска. Это содержалось в письме, что в Казахстане проживают разыскиваемые им люди, и указан их адрес.

Тоня видела нужду, сдавала кровь и покупала хлеб, училась, работала, попала в теракт, осталась жива... Да, было трудно, но не было предательства! А теперь как жить? Как она скажет ребенку, что их папа обманул и маму, и ее ребенка... Внезапная сильная боль пронзила живот Антонины.

Она решила доползти до стены и постучать соседке, вдруг та дома, чтобы вызвать скорую помощь и быстрее попасть в роддом. В этот момент вошел Михаил. Он все понял... Письмо валяется на полу, рядом конверт, тут же на полу его брюки (а он помнил, что письмо он оставил именно в этих брюках), и тут же рядом корчится в родовых схватках его Тонечка.

Объясняться было уже бессмысленно, нужно быстрее доставить жену в роддом. Скорая помощь приехала довольно быстро, он поехал вместе с женой, и там под окнами ожидал известия о том, что родился ребенок. Он, конечно, сына хотел всей душой, ведь дочка у него уже была, но сейчас ему было абсолютно безразлично, будет ли это мальчик или девочка.

Всю ночь он пробегал под окнами, родильное отделение было на втором этаже, не было даже ни одного деревца, по которому можно было вскарабкаться и посмотреть, что там делают с его женой. Он уже на рассвете решил попытаться подняться на второй этаж по водосточной трубе, хотя она была явно ржавая и видно, сильно помята, не один страдающий новоиспеченный папаша пытался ее использовать как лестницу... Михаил был уже почти у окон родилки, даже видел головы врачей в белых колпаках, как вдруг снизу его позвали:

– Киселев! Дочь! Три кило триста! Все с ними в порядке! Идите домой, завтра приходите!!

Это было первого августа сорок четвертого года!! Слава Богу, родилась дочь, Тоня жива, но как объясняться теперь? Он ни в коем случае не хочет расставаться с Антониной. Но помогать первой жене и дочке обязан.

Тоня никак не обозначила своего отношения к ситуации, находясь в роддоме. Счастливый отец забрал жену и дочку домой! Все поздравляли счастливых родителей.

Однако по возвращении домой Тоня не захотела даже выслушать мужа. Напрасно он пытался добиться ее внимания, просил выслушать. Она молчала и отворачивалась.

Он рассказал Антонине, что в самом начале войны эвакуировали целый эшелон гражданского населения, это были женщины с маленькими детьми, старики, и их вывезли из Минска. А где они могут осесть, никто не знал. Все эти три года Михаил продолжал поиск своей семьи.

Полюбив Антонину всей душой, он сразу не решился рассказать правду невинной и чистой девушке, понимая, что она ни за что не стала бы отвлекать его от семьи.

Он убеждал Тоню, что любит ее и дочку, и ни за что на свете с ними не расстанется.

Ответ был единственный:

– Ты знаешь ее больше, чем меня. Там тоже дочка, и она помнит тебя. Ты им нужен. Конечно, ты и мне нужен, но это моя проблема. И моя вина в том, что я не спросила у тебя, свободен ли ты. Твое поведение говорило, что свободен. Выходит – врал. А я вранье и предательство простить не смогу.

Михаил предложил назвать дочку Лилией. Однако мнение матери было совсем иным. Ее ответ прозвучал твердо и однозначно:

– Нет. Она будет Варварой! Это имя придает твердость характера, силу и выносливость. Если она будет Лилей, она будет нуждаться в защите, а у нее есть только мать. Вдруг я буду болей и не смогу защитить дочку от таких неискренних людей, каким оказался ее отец. Вот мое слово. Дочка будет Варварой!

Антонина подождала, пока дочка окрепнет. Прошло две недели, как Тоня возвратилась из родильного дома. Подготовилась к отъезду. Она решила возвратиться к матери на Алтай, в свою родную деревушку Лосиху...

Михаил умолял ее остаться. Антонина обвиняла себя за доверие и легкомысленность. Не посмотрела его паспорт, не настаивала на официальной регистрации брака. Во всем виновна только она одна!

Правда, Антонина понимала, что здоровье у нее не очень хорошее, поэтому помощь от отца ее дочке будет нужна. И она оставила ему свой адрес в Лосихе. От помощи не отказывалась. Так решилась судьба маленькой Варвары. Она как и все предыдущие поколения в ее роду уже с рождения осталась без отца....

Глава 23. Возвращение Антонины в родной дом

Шел 1944 год. Лето было необычайно жаркое и сухое.

Ульяна как всегда работала не покладая рук. Все страдания и потери наложили на нее свой отпечаток и она как будто ушла в себя. Даже шутница Дарюшка не могла вывести Ульяну из состояния грусти и подавленности. Ульяна бесконечной чередой просматривала как киноленту воспоминания детства, юности, взрослой жизни. И всегда повышенная ответственность, нет радостных воспоминаний, а все больше – печали...

От Анны опять год нет писем. Знает, что родился мальчик, что тяжело живется... Никаких подробностей.

Вот и Тонечка давно уже не писала. Несколько месяцев молчит. Как теперь ее здоровье? И ее мечты об учебе... Умная девочка выросла, а прямо в юности подорвал ей здоровье этот теракт с отравлением. Не сможет теперь детей иметь... Фашизм... нет фашистам места на земле.

Гибнут миллионы людей, изломанные судьбы...

Чего ждать хорошего от фашистов, если шли они войной, чтобы поработить такую огромную страну. Русских для них – недочеловеки. Но не тут-то было! Война перешла в стадию отката немцев на запад. Советские войска наступали. Народ радовался. Хотя и не стало легче жить, чем в начале войны. Работы было много, в тылу все лежало на женщинах и подростках.

Сама Ульяна понимала, что из-за детей она не рассталась с жизнью в период предательства своих самых близких людей: сестры и мужа. Только дети удержали ее в жизни. А как сейчас можно расслабиться, если у нее на руках еще двое мальчишек: ее младшенький Сашенька и Толик – сын ее тетки Валентины. Дети были для нее опорой. Не секрет, что женщина может горы свернуть, если у нее маленькие дети, за которых она несет ответственность.

Снова бессонные ночи. Обо всех думает мать... Боль всех своих детей воспринимается ею как своя собственная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.